

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man is on the left, looking down at the woman on the right. They are both in profile, facing each other. The background is a soft, blue gradient. The lighting is dramatic, highlighting their profiles.

ОЛЬГА
ВЕЧНАЯ

Дальше
НЕ БУДЕТ

Ольга Вечная

Больно не будет

Серия «Парни из стали», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67415190
SelfPub;

Аннотация

Он в прошлом мажор, в настоящем – боец спецназа. В будущем крутой спец, а пока молодой и дурной, как утверждает его начальство.

Она попала в беду. А потом навестила в больнице парня, который закрыл ее собой.

Он для нее слишком дерзкий. Он во всем для нее слишком, но почему-то ей отчаянно хочется узнать его получше...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	59
Глава 8	67
Глава 9	75
Глава 10	83
Глава 11	90
Глава 12	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ольга Вечная
Больно не будет

Всё вымышлено. Любые совпадения случайны

Пролог

Сердце стучит.

Белый потолок перед глазами – сегодня я увидел все его дефекты чётко и сразу, не прищуриваясь. Хороший знак.

Прошлым утром врач спрашивал, как меня зовут, знаю ли, почему нахожусь здесь. Знаю, всё помню.

«Хорошо, но нужно полежать».

Немного полежу, раз такие рекомендации. Спасибо срочной службе в разведке – я давно делаю только то, что правильно. Никаких проблем со мной нет. Можно не беспокоиться.

А потом я наклоняю голову и вижу её. Пришла снова – с ума сойти! Красивая, печальная, стул пододвинула поближе, сидит у кровати, дарит всё своё внимание экрану мобильного. Аж завидно.

Волосы собраны в пучок на макушке, шея длинная, на лице ни кровинки – бледная. Родинка рядом с аккуратной ушной раковиной. Да и сама она вся очень аккуратная, тоненькая.

Но смелая, или правильно сказать... упрямая? После вчерашней истерики моей матери – а та себя не сдерживала в выражениях – убежала. Я сказать ничего не могу пока: у меня перелом челюсти. Ничего смертельного, но эта травма сделала меня намного тише, чем я есть обычно.

Просто наблюдал за происходящим. Сегодня мама, если и навестит меня, то поздно вечером, а девушка пришла с утра.

– Проснулся? – она не то радуется, не то пугается. Начинает суетиться, поспешно прячет телефон в задний карман джинсов, вскакивает на ноги. Смотрит мне в глаза – они у неё тоже красивые. Хотя, может, это седативные украшают мой мир? В любом случае прямо сейчас я бы распечатал плакат с её изображением и повесил над кроватью.

Я киваю и моргаю одновременно. Ни ручки, ни телефона под рукой нет, а пол-лица всё ещё в онемении – общаюсь, как получается.

Её глаза наполняются слезами, а потом она обхватывает мою ладонь. Её рука холодная, и я инстинктивно сжимаю тонкие девичьи пальцы в ответ, чтобы согреть. Я всегда горячий, в чём бы ни был одет, где бы ни находился. Особенность такая.

– Тебе больно? – спрашивает она.

Я отрицательно качаю головой, но она будто не верит. Мы смотрим друг на друга. Сердце стучит быстрее.

– Я таких людей раньше не встречала. Ты настоящий герой, – произносит она и сводит брови вместе, отчего выглядит ещё милее, чем мгновение назад. От волнения её губы пересохли, она их облизывает быстрым движением и смотрит на меня.

Она глаз не отрывает, словно я ей тоже нравлюсь.

Моё сердце сейчас разорвётся.

Глава 1

За пару дней до...

Катерина

Если бы меня спросили утром, что такое плохой день, я бы подумала о простуде. Пробитом колесе машины или досадном опоздании на работу. Какое наивное заблуждение!

Я сижу на корточках у стены, ноги давно затекли и онемели, но мне так страшно пошевелиться, что я терплю из последних сил.

Наверное, отрицание – первая реакция в подобной ситуации.

Да быть не может!

В наше-то время?!

Смешно! Покажите мне камеры!

Но время идёт, а весёлый ведущий не выскакивает из укромного местечка, не объявляет на весь ювелирный магазин: «Помашите нашим телезрителям!»

Вместо этого четверо мужчин в масках и в чёрной одежде, с оружием, ходят туда-сюда и изрядно нервничают. Это длится уже несколько часов, но адаптироваться к ситуации никак не получается.

Им кто-то сказал, что сегодня в этом магазине не работает охранная сигнализация, а выручку из сейфа не забирали неделю. Дали наводку, указали время и место. Сигнализация сработала моментально – не прошло и минуты после нападения, как мы услышали раскатистую сирену полицейских машин. А следом отборную брань грабителей. Они даже подрались и чуть не поубивали друг друга. Одной заложнице сильно прилетело, я её обнимаю и зажимаю рану платком.

Они долго выясняли, кто виноват, размахивали заряженным оружием. Один выстрелил в потолок.

Нас семеро: я, две девушки, которые здесь работают, семейная пара пенсионного возраста и два охранника. Одного из последних грабители ранили и связали, бросили на пол. Второй сдался сам, поднял руки ещё раньше, чем мы осознали, что происходит.

Мы жмёмся друг к другу и молимся. Пожилая пара – мусульмане. Мы обращаемся сразу к двум богам – возможно, хоть один откликнется.

Время тянется адски медленно, каждая секунда может стать последней. Здание оцеплено, грабители не могут придумать, что им делать, как выкрутиться. Несколько раз с ними пытались связаться полицейские, но разговор не клеился.

Липкий страх сковывает движения, притупляет чувства. *Они* постоянно наводят на нас оружие, ругаются матом. Наконец, один из мужчин – по-видимому, самый главный и старший – вырывает рацию у своего поделника и говорит:

– Господа офицеры, нам нужен вертолёт. Будете штурмовать – уложим всех до единого. В тюрьму мы не сядем – это не обсуждается. У нас здесь взрывчатки достаточно, чтобы встряхнуть и Мира, и Маркса. Но хотим мы убраться тихо.

Полицейский представляется подполковником, фамилию не улавливаю – очень плохо слышно из-за помех, да и уши словно заложены, в них пульсирует кровь. Как я ни стараюсь, разобрать подробности разговора, от которого зависит моя жизнь, у меня никак не получается.

Один из грабителей, который нас охраняет, подходит ближе и тыкает дулом огромного чёрного автомата одной девушке в живот, она сжимается и вскрикивает, тогда он ударяет её наотмашь:

– Молчать! – хватает за волосы и швыряет в сторону. Кажется, он либо пьян, либо под кайфом. Понимание этого спокойствия не добавляет.

Девушка закатывается в немой истерике, а он направляет дуло на меня. Я не смотрю на него, только перед собой, опустив голову. Пытаюсь скрыть дрожь тела.

Тем временем вожак продолжает торг с полицией:

– Да, именно вертолёт, – в ответ помехи. – Через час. Уж постарайтесь уговорить какого-нибудь лётчика, если хотите сохранить девчонок. Они тут молоденькие, хорошенькие, наверное, их дома ждут... – он смеётся: – Отпустить? Чтобы вы нас перестреляли?!

Торги длятся, по ощущениям, минут сорок.

– Так, ты мне, подполковник, надоел, – вдруг рывкает вожак. – Знаю я ваши замашки, переговорщики и бла-бла-бла. Фигни навешаете – не успеешь оглянуться, как упадёшь с пулей между глаз. Знаем, как работают ваши альфовцы – новости читаем! С тобой я разговаривать больше не буду. Никаких психологов. Никаких с*аных гадов! – у него начинается срыв, вожак начинает орать: – Идите на хрен! Через час не будет вертолёта – количество заложников уменьшится!

Он бросает рацию на прилавок и принимается ходить из угла в угол. Я не поднимаю глаз – вижу лишь его ботинки, слышу тяжёлые шаги и вкрадчивые разговоры.

Меня ощутимо трясёт. Это уже третий человек, который пытается наладить контакт, но едва диалог завязывается, вожак всё обрывает.

Через какое-то время рация снова вибрирует:

– Привет, мужики! – звучит новый голос. – Пятый час сидите, не надоело?

– А ты кто будешь? – спрашивает вожак не без раздражения. – Ещё один мозгоправ?

– Меня зовут Ярослав, – отвечает рация довольно беспечно, – и я ни разу не с*анный мозгоправ. Сам их терпеть не могу, клянусь. Приходится постоянно отвечать на тупые вопросы. А эти грёбаные тесты? Не, ты же сидел, должен понимать, о чём я. Программы для нас пишут одни и те же люди.

Вожак смеётся.

– Тогда, может быть, ты в курсе, что с нашим вертолётном,

Ярослав?

– Он скоро будет, но тут такое дело... Я тоже хочу полетать, возьмёте с собой? – весело и беззаботно.

– А зачем ты нам на хрен нужен? – со смешком отвечает вожак. По интонациям кажется, что они флиртуют друг с другом.

– Девчонок хорошо бы отпустить. Зачем их мучить? Они визжат, в обмороки падают, ведут себя неадекватно. Да и... почему бы не проявить великодушие? Как бы там ни было, это зачтётся. И в суде, и перед Богом.

Грабители переглядываются, вожак смотрит на нас, и я торопливо прячу глаза. Девушки тихо рыдают в ладони, я молчу. Поглядываю исподлобья. Вожак качает головой, сомневается:

– А чем ты так важен, Ярослав, что из-за тебя по нам не начнут палить на поражение?

В ответ снова помехи, я только слышу отрывисто «боец», «сын...».

– Не соглашайся! – рявкает неадекватный. – Возьмём лучше девку трофеем. Пошли его, – он садится напротив меня и пытается поймать взгляд. Глаза у него стеклянные, вид – агрессивный, я ещё раньше разглядела. Я пытаюсь сжаться в точку, превратиться в чёрную дыру, исчезнуть.

Вожак цыкает на него. Рация снова оживает:

– Всей толпой в вертушку всё равно не влезете. Пока идут приготовления, ищут лётчика, заправляют машину, гонят

сюда – пройдёт минимум час-полтора. Отпустите людей. Не дай Бог, у кого-то сердце не выдержит, на вас повесят убийство. Оно вам надо? – говорит он спокойно, будто речь идёт не о человеческих жизнях.

– Твоё сердце выдержит? – спрашивает вожак с мерзким смешком.

– Всенепременно, – слышится в ответ. Что-то есть в интонациях этого Ярослава, в тембре голоса, в подаче информации, что его хочется продолжать слушать. Даже преступникам.

– Пошли его, эй! – злится неадекватный. – Девку возьмём! На хрен он нужен!

– На хрен девка! – отвечает вожак. – Денег будет много, снимешь себе любую шлюху.

– Таких шлюх я что-то не видал, – он всё ещё сидит напротив меня, а я по-прежнему не конечный этап в жизни звезды.

– Пусть заходит этот Ярослав, – подаёт голос третий. – Одно дело пристрелить мента, другое – невинных, – кивает на заложников. – Я на убийство не подписывался. Ты обещал, что полчаса делов, и мы с деньгами сваливаем. А через час сюда либо командос залетит, либо придётся кого-то грохнуть. И этот кровью истекает, что, если и правда откинется?

Раненый охранник действительно выглядит неважно, дышит часто и глубоко.

– Они своего в обиду не дадут, а заложниками могут пожертвовать, – присоединяется четвёртый. – Я по телику ви-

дел. Это называется издержки.

– Вы спятили? Хотите мента сюда притащить?! – злится неадекватный.

– Заткнись, – обрывает вожак и продолжает в рацию: – Ну выйди вперёд, Ярослав. Я посмотрю на тебя. Не понрависься – получишь пулю.

Вожак приближается к нашей кучке испуганных до безумия людей, хватая меня за шкуру, рывком поднимает на ноги. Колени отказываются выпрямляться, когда он тащит меня к окну, поднимает жалюзи. Стоит позади, держит оружие недалеко от виска. Прикрывается мной, как щитом. От ужаса я едва могу шевелиться, прижимаюсь пальцами к стеклу, которое запотевает от моего порывистого дыхания. Смотрю на стоящие вдалеке машины с мигающими световыми приборами.

Глава 2

Долго ждать не приходится. Молодой мужчина в гражданской одежде выходит вперёд. Середина мая, давно держится плюсовая температура, но без пальто или куртки всё ещё прохладно.

У него лёгкая уверенная походка. Подойдя достаточно близко, чтобы его было хорошо видно, Ярослав останавливается. Широко разводит руки, показывая, что из вещей у него только рация.

– Откуда мне знать, что на тебе нет оружия? – вожак с подельниками ощутимо нервничают.

– Справедливо, – соглашается Ярослав.

Вожаку подсказывают: и обувь! – он тут же рявкает:

– Разувайся!

Ярослав медленно кладёт рацию перед собой, потом выпрямляется. Так же медленно берётся за низ толстовки, снимает её вместе с майкой и отбрасывает немного в сторону. Я смотрю на его лицо – совершенно спокойное. На вид ему лет двадцать семь, молодой крепкий мужчина. Короткая стрижка под машинку, волевой подбородок. Широкие плечи и плоский живот, очерчивающиеся при каждом движении боковые мышцы пресса. Джинсы сидят низко, из-под пояса дерзко выглядывает резинка ярко-красных трусов. На боку выбито тату – слово, которое никак не удаётся прочитать с

этого расстояния.

Он совсем не похож на полицейского. Боже, пусть он знает, что делает!

Ярослав разувается и закатывает штаны почти до колен, оголяя лодыжки. Вытаскивает ремень и кладёт на кроссовки. Выплёвывает жвачку!

Вновь разводит руки широко, чуть ли не театральным жестом и, лукаво улыбнувшись, поворачивается вокруг своей оси. Вроде бы не делает ничего особенного, но так смотрит, двигается, улыбается... От него исходит какое-то зашкаливающее, бесячье обаяние. На него хочется смотреть.

– Ещё покрутиться? – спрашивает с улыбкой в рацию, приподнимая брови. – Нравлюсь?

– Сойдёшь, – растягивая гласные.

– Штаны снимать? – со смешком. Он хватается за край джинсов, и у меня внутри всё обрывается от такой наглости.

– Вот его я с радостью пристрелю! – поддерживает тот, который против расправы над невинными.

– Тихо, – прикрикивает вожак. Потом в рацию: – Понравился ты мне, Ярослав. Штаны снимешь уже в магазине. Заходи.

Если бы мои волосы не стояли дыбом, они бы поднялись при этих словах. Психованный за моей спиной чертыхается. Я не могу себе представить, какая должна быть выдержка у человека, чтобы добровольно идти в руки вооружённых преступников.

Ярослав пренебрегает одеждой, подходит к двери магазина. Замирает с рацией в руках. Смотрит или на меня, или на вожака в маске за моей спиной.

А потом он подмигивает! Не то мне, не то преступнику, который если отпустит меня – клянусь, я рухну. Вожак прижимает меня к стеклу, Ярослав двигается без спешки. Говорит в рацию:

– Тук-тук.

Поднимает кулак и стучится, после чего тянет дверь на себя и распахивает настежь. Ставит одну ногу на порог, цепким взглядом охватывает зал, а потом заходит. На него тут же направляют оружие.

– Глаза в пол и медленно выходим, – командует Ярослав. Все смотрят на вожака, тот кивает. Народ гуськом тянется на выход мимо спасителя. Охранник, поддерживая раненого товарища, покидает помещение первым, затем остальные. – И её тоже, – произносит боец с нажимом, кивая на меня.

Вожак выплевывает мне на ухо:

– Пошла, курочка, ко-ко-ко, – и отпускает. Я иду. На деревянных ногах к спасительной двери. Между ней и мною остаётся каких-то несколько метров – я ускоряю шаг. Через щель в жалюзи вижу, как мои друзья по несчастью несутся к спасению, их на полпути встречает полиция, прячет за щитами. Я последняя, но и я сейчас вырвусь!

А потом я совершаю ошибку. Не последнюю в своей жизни, но одну из самых страшных: я поднимаю глаза. Просто

поднимаю глаза, чтобы увидеть вблизи самого смелого мужчину, которого я когда-либо встречала. Хочу запомнить его лицо навсегда. Его глаза – тёмные, внимательные, живущие словно отдельно от общего борзого образа.

Ярослав на меня не смотрит – только на жожака. Мой взгляд скользит ему за спину и случайно натывается на психованного. Буквально на одно мгновение наши глаза встречаются, на моём лице проскальзывает торжество – дескать, ничего у тебя не вышло, подонок! В память о всех его сальных взглядах и мерзких словечках, которые он шептал нам с девочками, пока его подельники продумывали пути отхода. Тебе не светит даже коснуться меня!

– Она остаётся! – психованный кидается ко мне, хватая за руку и рывком тянет на себя. Моё сердце обрывается, от ужаса перед глазами темнеет! Дальше начинается полный сумбур! Входную дверь, заветное спасение, громко захлопывают. Силы покидают меня, я кричу, и мне зажимают рот.

– Так не договаривались, девку надо отпустить, – делает шаг ко мне Ярослав. Он не повышает голос, но давит интонациями. – Я без оружия, опустите стволы, блть! Я пришёл на сделку.

– Не отдам её! Моя! – орёт психованный, топая ногами. Глаза Ярослава расширяются – план даёт сбой.

– Руки, блть, поднял! – кричит Ярославу жожек. Подходит и бьёт прикладом по лицу. Непонятно как, но бойцу удаётся устоять на ногах.

– Она не влезет в вертушку, отпусти её. Не бери такой грех, – Ярослав обращается исключительно к вожаку, полностью игнорируя остальных.

– Пока летит вертолет, я её трахну, а? – стонет психованный, выпрашивая у босса. – Какая уже разница? В тюрьму я больше не сяду! Либо мы валим, либо нас пристрелят как собак! Хотя бы напоследок... Такой у меня еще не было. Ну? Возьмём этого, раз он тебе нравится, – кивает на Ярослава, сплёвывающего кровь.

Ответный мимолетный взгляд бойца надо видеть, но тот быстро берёт себя в руки.

Вожак мешкает, решая, как поступить. Я в полном ужасе. Умом понимаю, что сейчас главное – выжить. Насилие не смертельно, но, Господи... Как пережить-то?!

Ярослав читает панику на моём лице – я шепчу: «Умоляю». Он сглатывает и произносит:

– Послушай, – его невозмутимость сбоит. – Не вешай на свою команду, – он специально заменяет слово «группировка» на более мягкий синоним, – насилие. Вам оно не надо. Эй, посмотри на меня, Игорь, оно тебе не надо. Ты же не по этой части. Заберём деньги и золото, долетим до одного секретного места... Если вы её отпустите, я научу. Слово даю. Подскажу, как добраться до Абхазии, оттуда уже куда угодно! Зачем нам всю жизнь оглядываться? Ты ведь не из этих? Посмотри, ей ещё восемнадцати нет. Девочка же.

– Сколько тебе лет? – спрашивает вожак.

У меня нет голоса: я пытаюсь сказать, что семнадцать, но только хриплю. Ошарашенно киваю головой, поддерживая легенду Ярослава. Мне двадцать два.

– С какой стати тебе помогать нам?

– Думаешь, я просто так вызвался? Я что, похож на сумасшедшего? Самому осточертела служба, а из страны не выпускают. Свалим вместе! Шанс есть, и хороший! Поделитесь наваром.

– Один разок, а? Я быстро, – мечется психованный, крепко держа меня за талию. – Убьют ведь, чувю, что убьют. Врёт этот мент!

– Договор был, чтобы всех отпустили. Я же пришёл, отпусти её. Скажи, чтобы он её отпустил. Я здесь, она не нужна, она не влезет в вертушку. Что с ней делать? Зачем она? – Ярослав обращается исключительно к вожаку, остальные орут наперебой. И без того напряжённая атмосфера продолжает накаляться. Ярослав бросает быстрый взгляд на меня, и я понимаю, что придётся. В этот момент нас с ним в целом мире существует только двое.

И я киваю ему. Дескать, я готова. Справлюсь. Надо выжить. Только бы выжить. Его глаза дикие, впервые на лице отражается какая-то сильная эмоция, но он тут же её прячет.

Он пришёл, чтобы вытащить меня невредимой. *Но у него не получается.*

Это моя ошибка – я подняла глаза, я спровоцировала. Придётся расплатиться. Я киваю Ярославу ещё раз, теперь

решительнее, кусая губы, пытаюсь перестать трястись.

Купила серёжки...

Ярослав стоит, приподняв руки вверх, – на него направлены сразу три дула огнестрельного оружия. Его взгляд мечется по комнате.

– Быстро, – рявкает вожак, не отрывая глаз от фигуры бойца. – А ты только дёрнись.

– Он покалечит её, – говорит Ярослав с нажимом. Я вижу, как сильно он напряжён. – Или вообще придушит. Тогда ничего не получится.

– Он будет осторожен, – командует вожак.

Психованный дёргает меня в сторону. Хоть бы увёл в соседнее помещение, чтобы никто не видел... в этот момент мне наперерез выходит другой грабитель:

– Я первый!

– Чего?! – орёт психованный. – Ты вообще хотел её отпустить!

– Если мы всё равно сваливаем из страны, то по хрену.

Всё снова катится к чёрту! Был чудовищный план, но хотя бы план... меня дёргают за руку в другую сторону, я падаю на колени. Под крики вожака эти двое начинают драться между собой. Все на нервах и ведут себя неадекватно. Я не могу понять, откуда это иррациональное желание спариваться в экстремальной ситуации?!

– Чёртова сука! – орёт вожак и направляет на меня пистолет. – Нет суки, нет проблемы!

Ярослав совершает техничное движение вперёд и выбирает оружие из его рук. Сбоку от меня психованный падает замертво.

– Ложись! Снайпер! – кричит Ярослав мне.

Я закрываю глаза и сжимаюсь в комок. Происходящее дальше – оглушает: крики, выстрелы, удары! Звон разбитого стекла! Ещё и ещё!

Я не понимаю, что происходит. Я просто зажмуриваюсь и замираю. Даже визжать не получается! И только через несколько мгновений осознаю, что лежу на полу, придавленная к земле обнажённым большим телом. Мужчина меня обнимает со всех сторон, прикрывая как щитом от происходящего кошмара. Вокруг пыль, крики, беготня! Я полностью дезориентирована, знаю только, что он меня защищает. Вцепляюсь в его плечи, вонзаюсь в них ногтями, едва отдавая себе отчёт, что, должно быть, причиняю боль.

Следующая мысль: он дышит. Значит живой, Господи! Я плачу, радуясь, что стрельба закончилась, а мы оба дышим. По моему лицу текут слёзы.

Мой спаситель живой, я купаюсь в его запахе – запахе безопасности. Когда через несколько мгновений его пытаются от меня оттащить, я кричу как сумасшедшая, цепляясь за него руками и ногами. Дикая раненая кошка на грани между жизнью и смертью. Сражаюсь из последних сил, брыкаюсь, дерусь. Я не могу остаться без него, он мой щит, мой герой! Он... единственный, кто на моей стороне! Во всём мире!

А потом я вижу кровь. Она повсюду. На нём, на моих руках...

– Всё хорошо, девочка, – меня поддерживает боец спецназа с надписью «СОБР» на груди и в жуткой маске с изображением паука. В прорези я вижу голубые обеспокоенные глаза. Уверенный низкий голос продолжает: – Всё закончилось. Ему нужна помощь, он ранен. Ты в безопасности, ты умница, справилась. Позволь дальше медикам делать свою работу.

Глава 3

Даже в детстве мне не уделяли так много внимания, как в эти дни. А ребёнком я была избалованным, папиной принцессой. Потом отца уволили с высокой должности, доходы резко упали, а жизнь изменилась.

Со мной разговаривали врачи, психологи, полицейские. Пытались и журналисты, но я отказалась давать интервью. По первым же вопросам догадалась, к чему они клонят, – им нужно за что-то зацепиться, чтобы раздуть скандал. А я не в том состоянии, чтобы ловко лавировать между скользкими темами и взвешивать каждое слово. Штурм пошёл не по плану, начался в тот момент, когда заложница всё ещё находилась в здании, – я могла попасть под раздачу.

А ещё я поняла, что никакого вертолёта не было. Не было лётчика-самоубийцы, согласившегося вывезти непредсказуемых преступников из города. Не было приказа идти на уступки.

Спецназ готовился к штурму. Вожак был не так прост, а после недавнего случая, когда мирный переговорщик ликвидировал террориста, и вовсе не доверял якобы милым психологам.

Бойцам нужно было поднять жалюзи, чтобы смог работать снайпер. И по возможности освободить побольше людей. Каким-то образом они выяснили пристрастия вожака, выбрали

парня, который в его вкусе. Попытались обыграть.

Смело, абсурдно! Он вызвался сам.

Если бы штурм начался, когда мы все находились внутри, процент выживания был бы явно ниже ста.

Я честно рассказала, как всё было, и врачу, и начальнику Ярослава, солидному мужчине по фамилии Тодоров. Да, следовало бы скрыть факт моей глупости. Мне велели смотреть в пол, но я не послушалась. И он за это пострадал. В ходе драки он получил сотрясение, двойной перелом нижней челюсти, на которую пока наложили шину и которую планируют прооперировать через пару дней. Прогнозы благоприятные: после всех манипуляций и реабилитации он сможет говорить и есть твёрдую пищу. Хоть бы это так и было!

Руководству Ярослава понравилось, что я не стала выгораживать себя, – наоборот, старательно оправдывала их спеца, требовала его наградить. Мне разрешили его навестить в больнице, где я столкнулась с его родителями. И снова всё честно рассказала. Они имеют право знать, что их сын – герой.

Если отец отнёсся с пониманием – он тоже при погонах, – то мама выволокла меня за волосы из палаты и пожелала всего самого страшного. Она была на эмоциях – я её не виню.

Вечером мне позвонили с незнакомого номера и сообщили, что Ярослав не спал и был свидетелем сцены в палате. Ему понравилось, что я пришла. И если я хочу, то могу проведать его ещё раз, чтобы пообщаться без свидетелей.

Он слегка приподнимается, и я подтягиваю подушку повыше, чтобы он мог принять более удобное положение полусидя. Пульс стучит в висках, я всё время смотрю ему в глаза, пытаюсь прочесть мысли. Что, если он меня ненавидит? Презирает? Ассоциирует с болью?

Если бы мне не позвонили прошлым вечером, я бы не решилась прийти снова.

Что-то нужно сказать. Поблагодарить? Его глаза немного мутные, да и в общем он выглядит неважно: сильный отёк на лице, губы синие, челюсти в прямом смысле намертво сцеплены шиной. Для закрепления эффекта подбородок зафиксирован пращей.

– Можно я просто посижу с тобой немного? – наконец, спрашиваю. Он выглядит удивлённым, но кивает. Я подвигаю табуретку ближе к изголовью, присаживаюсь. Это хорошо, потому что колени рядом с ним дрожат. Всё это время я держу его за руку. Наверное, у него температура, он такой горячий... как солнышко.

– Может быть, позвать доктора?

Он отрицательно качает головой.

– Только скажи, и я мигом.

У него половина лица перебинтована, а глаза улыбаются. Они тёмные, почти чёрные, ещё и зрачки расширенные –

смотрю в них, словно в самую ночь.

Он одет в белую майку, лежит под одеялом. Палата отдельная, здесь даже уютно. Его отец – какая-то шишка, которая может себе позволить купить лучшее лечение. Боже, его отец – шишка, он мог бы отдыхать где-нибудь на Бали, а не устраивать стриптиз перед кучкой неадекватов.

Тем более с таким телом. Наверное, на этом Бали девушки устраивали бы состязания, чтобы самим перед ним раздеться.

Тёмные волосы на голове коротко подстрижены, кожа смуглая. Руки крепкие, я нащупываю мозоли на ладонях. А потом спохватываюсь:

– У тебя, наверное, есть девушка, – стараюсь, чтобы голос звучал шутливо: – Ей не понравится, что я трогаю тебя, – отпускаю его, отвожу глаза и прячу руки под коленями.

Он мешкает, потом раскрывает ладонь и ждёт. Стреляет взглядом, дескать, верни как было. Жест требовательный – лёжа в койке после ранения, он пытается командовать, и я невольно улыбаюсь этой просьбе-приказу. Нерешительно снова вкладываю свою ладонь в его горячую, немного влажную. Так и молчим, смотрим.

Всё позади, мы в безопасности, но в глубине души, в той её части, которая подчинена инстинктам, мы всё ещё вдвоём среди врагов и держимся друг за друга. Вернее, конечно, я за него.

Время тянется.

Понятия не имею, что говорить. Тем более он не может пока ответить. Я даже не уверена, что Ярослав – это его настоящее имя, а не выбранное случайно для прикрытия.

Да нет, настоящее, конечно, его так все называли. И парень в маске с пауком, и Тодоров.

– Твоей маме бы не понравилось, что я здесь, – закидываю удочку. Сложно в одиночку вести разговор с посторонним человеком. Нет общих тем. Нет общих знакомых. Ничего нет, кроме благодарности и воспоминаний о самых страшных минутах в жизни.

В его глазах снова мелькает чертовщинка, он слегка сжимает мою руку и ведёт большим пальцем по ладони. От этого простого жеста волосы на коже встают дыбом. Моя спина прямая, словно я в корсете для коррекции осанки. Я продолжаю что-то говорить, чтобы заполнить паузу:

– Мне никто не хотел ничего рассказывать, но я так рыдала, что доктор сжалился. Я вообще довольно плаксивая, но в экстремальных ситуациях, оказывается, словно высыхаю. Девочки все плакали в ювелирке, – делаю паузу. Он смотрит на меня. – У меня одной не было слёз. Я честно пыталась выдать из себя хотя бы одну, чтобы быть как все. Не получилось. А потом прорвало! Хирург заверил, что, если операция

пройдет успешно – а она пройдёт, я верю, – ты ещё неделю лежишь здесь, и выпишут. Потом ещё дней восемь походишь с шиной, и её тоже снимут. Дальше, конечно, диета, реабилитация, физио и упражнения. И всё станет как было. Но ты, наверное, это и так знаешь.

Он утвердительно моргает.

– Я могу помочь с упражнениями. Я по профессии логопед. Детский, правда, но если ты захочешь... в смысле, мне бы хотелось что-то для тебя сделать.

Он слегка улыбается и кивает.

– Всё обязательно будет хорошо. Я буду думать только о хорошем, сила мысли, молитва... во что ты веришь, то и буду делать.

Он сдерживает смех и делает жест, будто отмахивается. Дескать, что ты переживаешь, ерунда. Видел бы он себя со стороны. Безбашенный.

Ярослав чуть крепче сжимает мои пальцы, когда заходит врач с дежурной улыбкой.

– А кто у нас тут? Доброе утро! – смотрит в папку с бумагами, весело улыбается. – Как вы сегодня, Ярослав?

Переводит глаза на меня, намекая, что мне следует оставить их наедине.

– Если хочешь, я приеду завтра, – спрашиваю шёпотом у бойца. Его глаза улыбаются, и он слегка кивает. Я улыбаюсь в ответ. Мне вдруг хочется наклониться и поцеловать его в лоб, но я так, разумеется, не делаю. Машу на прощанье и

убегаю, ловя себя на мысли, что мне совсем не хочется уходить.

Слишком рано. В моём новом мире по-прежнему существует лишь два человека – я и он. Остальные – враги, жертвы или трусы. Наверное, мне нужна помощь психолога. Умом я это понимаю, но сердцем... сердцем мне нужен только этот человек. Рядом. Тогда безопасно.

Даже когда он лежит на кровати бледный и забинтованный, даже когда я вспоминаю слова его матери о том, что при следующей нашей встрече меня постигнет участь её сына.

Глава 4

Катерина

Через несколько часов после операции Ярослав выглядит значительно лучше, чем накануне. Я ожидала, что он будет отходить от наркоза, но нет, обошлись местной анестезией. Вытерпел.

Для меня огромное удовольствие разглядывать его лицо, больше не бледное, как стена в коридоре. Отёк спал, пращу с головы Ярослав снял сам. Когда его рот закрыт, совершенно незаметно, что он всё ещё с шиной.

Заглядываю в его палату, пряча за спиной цветы, – он не реагирует, и я робко стучусь. Понятия не имею, уместно ли дарить мужчине букеты, но фрукты ему нельзя. По крайней мере, в целом виде. Медсестра шепнула, что пока только больничная еда, и я не стала тратить деньги впустую.

Он сидит на кровати в свежей тёмно-синей майке и свободных спортивных штанах, смотрит в айпад.

Пальцы покалывает от острого дискомфорта и ощущения полной чужеродности происходящего.

Не стоит мне здесь быть. С ним.

Надо бежать...

Ярослав отрывается от экрана, видит меня и улыбается.

Вижу тепло в его глазах, как-то умудряюсь читать по ним.

Это тепло окатывает с головы до ног, оно смывает последние страхи.

Он подбирается довольно резко, откладывает планшет, вытаскивает наушники из ушей. Эта поспешность очень приятна. Делает гостеприимный жест, дескать, заходи-располагайся.

Я закрываю за собой дверь и прохожу в палату.

Окно распахнуто настежь, утренний свежий воздух наполняет лёгкие. Слышно, как поют птицы. Больница окружена рядом высоченных деревьев, на которых нашли приют десятки пернатых созданий. Определённо, утро здесь начинается рано.

В палате очень светло, да и сам Ярослав выглядит посвежевшим. Догадываюсь, сумел добраться до душа самостоятельно и чувствует себя намного увереннее. Вчера на него было страшно вато смотреть.

– Сиди, не вставай, – я останавливаю его движение. Сама ставлю цветы в вазу, набираю воды. – Не рано пришла?

Он пожимает плечами, показывает пальцем на планшет, а потом на стул рядом. Я присаживаюсь напротив него и жду, пока он печатает:

«Не рано, здесь всех будят в шесть, – читаю на экране. – В восемь уже провели остеосинтез. Половину лица всё ещё не чувствую. Давай знакомиться?»

Он хитро смотрит на меня, затем делает движение, чуть подаваясь вперёд, как бы показывая, что готов увлечься беседой.

Ха, сейчас я тебя увлеку, держись крепче!

– Давай расскажу, кого ты спас. Меня зовут Катя, ты, наверное, уже в курсе. Мне... двадцать два года, – слегка улыбаюсь, ощущая, как кровь приливает к лицу. Накатывает волнами, заставляя кожу гореть. Между нами вообще ничего нет и быть не может, но я себя чувствую почему-то так, словно на свидании. Как минимум составляю анкету для Тиндера, хаотично выискивая в памяти самые лучшие подробности, пытаюсь набить себе цену. – По образованию я *logoped*, как уже рассказывала. Но сейчас временно не работаю. Вернее, вот только неделю назад уволилась из центра. Прошла собеседование, жду звонка.

Я поднимаю глаза, а он свои отводит, словно я его поймала за чем-то непристойным. Печатает. Пока он набирает сообщение, я рассматриваю его руки, плечи, лопатки – все открытые части тела. Он покрыт многочисленными ссадинами и синяками – от осколков при штурме. Пока я кричала, спрятав глаза за ладонями, он с кем-то дрался, оттаскивал меня в сторону, закрывал собой...

Также я вижу раны от своих ногтей – пять полумесяцев, спутать с чем-то другим сложно. Пометила мужика, если можно так выразиться.

«Ярослав, 27, водолей, офицер. В будущем, возможно,

экстремальный переговорщик. А пока молодой и дурной – цитата моего шефа».

Я начинаю смеяться над шуткой, он подмигивает мне.

– Неужели тебе не хватило этих переговоров? Ты хочешь ещё?

«Ты ведь жива», – он пожимает плечами и смотрит выжидательно. А я чувствую укол ревности, мне не хочется, чтобы он спасал кого-то ещё. Гашу в себе этот странный, неправильный порыв.

– Часто у вас такое происходит?

Он отрицательно качает головой:

«Нет. Если и происходит, то обычно удаётся договориться быстрее. Эти категорически отказывались сдаваться. Кто с ними только ни общался».

Он пишет грамотно и быстро.

«Катя, как ты себя чувствуешь? Мне сказали, ты не пострадала физически. А морально?»

– Всё в порядке. Держусь. Мне стало намного легче после вчерашнего, когда ты... то есть... Я боялась, что ты прогонишь меня.

Он выглядит удивлённым:

«За что?»

– Я ведь послушалась. В случившемся есть моя вина.

Он хмурится и резко качает головой:

«Ты не виновата в том, что кучка утырков решила разжиться чужим добром. Что они взяли в плен людей. Что по-

считали, будто им можно то, что нельзя остальным. Ты ни в чём не виновата. И мне приятно, что ты приехала меня навестить».

После его слов я вдруг начинаю шмыгать носом, хотя приехала с чёткой целью – поддерживать его. А потом он обнимает меня и жалеет.

Он пишет:

«Всё хорошо. Главное, что ты в порядке. Мне приятно видеть тебя в полном здравии».

– Было страшно, да? – спрашиваю.

«Очень», – отвечает боец без лишней бравлады.

Некоторое время мы молчим, а потом он показывает планшет с цифрами. Я догадываюсь, что это его номер телефона, и улыбаюсь.

«Мне ужасно скучно, – пишет он. – Если хочешь, то пиши».

Делаю дозвон, и он сохраняет мой номер как «Катерина», без всяких уточняющих пометок.

Приходит врач, по традиции мы тут же прощаемся, и я еду к психологу, с которым на этой неделе встречаюсь каждый день. Родители и слышать ничего не хотят: я должна посещать специалиста, и точка. Впрочем, ничего не имею против.

* * *

Следующим утром Ярослав приглашает меня на завтрак.

Так и пишет в начале седьмого: «Не хочешь со мной позавтракать?»

«В больнице?» – строчу я. Нет, блин, в ресторане! Катя, включай голову!

«Да. Но тебе придётся привезти еду с собой. Я бы мог оставить тебе свой завтрак, но вряд ли ты стала бы это есть. Точнее пить». И ставит смеющийся смайлик. «Сам еле справился».

Спросонья я не сразу понимаю, чего именно ему хочется, но затем до меня доходит:

«Тебе же пока нельзя жевать».

«Да. А тебе можно. Порадуй меня, Катя. Съешь что-нибудь вкусненькое, а я полюбуюсь, как ты жуёшь. Все остальные категорически отказались».

«Тебе точно не будет завидно?»

«Будет ещё как. Поесть я люблю».

«Что бы ты хотел, чтобы я съела, Ярослав?»

Он думает несколько минут – я успеваю помыть голову, нанести лёгкий макияж и придумать, что надену, когда получаю: «Сырники со сметаной или малиновым вареньем, кофе, бутерброд с сыром и ветчиной, омлет с чесноком и помидорами».

«Эй, боец, полегче! Ты перечислил мой дневной рацион».

В ответ снова смеющиеся смайлики. В холодильнике я отыскиваю творог и начинаю готовить заказ, варенье куплю по пути в супермаркете, кофе тоже возьму навынос в кафеш-

ке у больницы, чтобы был горяченький.

Сегодня он встречается меня, стоя у окна. Если бы не больничные стены, можно было бы забыть, что он здесь пациент, а не гость: спину держит прямо, руки скрестил на груди. Увидев меня, делает взмах рукой, кивает, приглашая проходить. Он приставил стул к тумбочке, положил салфетки, имитируя столик.

– Привет, Катя! – говорит сквозь зубы, и я замираю как заколдованная. Слово он не поздоровался, а заклинание произнёс магическое. Страшное. Глаза вытаращила, моргаю. Даже в лице теряюсь. А осознав, как он может истолковать подобную реакцию, пытаюсь взять себя в руки. Но поздно! Ярослав поспешно прикрывает лицо ладонью. – Проходи, не стесняйся.

Краска густо заливает моё лицо. Резинки, стягивающие его челюсти, конечно, выглядят не слишком эстетично, но и ничего ужасного в них нет. Зря он стесняется.

– Привет, – улыбаюсь я. – Дело не в шине, я просто... не ожидала услышать твой голос. Он такой... Прости, пожалуйста. Я так внимательно его слушала в магазине, что сейчас, в обычной обстановке, он буквально выбил меня из колеи. Мне казалось, будто... голос остался там, вместе с этим кошмаром.

– Ты хочешь, чтобы я молчал? – спрашивает, снова прикрываясь ладонью.

А мне хочется подойти и обнять его, но я не решаюсь. Он пригласил меня только на завтрак.

– Нет конечно. Я привыкну, – и поспешно меняю тему: – Ты точно уверен, что хочешь этого? – замираю с пакетом у импровизированного стола. Губы расплзаются в широченной улыбке. В голове тут же яркими красками рисуется картинка, как нас застукивает кто-то из его друзей или медперсонала. Поражённо замирает, крутит пальцем у виска.

Мало того, что чуть не угробила мужика, так ещё и травит. Ярослав кивает. Кажется, он забавляется. Присаживается на кровать, руки снова на груди, торопит жестом. Ну что ж, хозяин – барин.

Достаю тарелку с сырниками, открываю варенье, сметану. Отпиваю глоток кофе. М-м-м, с молоком и сахаром – безумно вкусно.

Его взгляд становится страдальческим, и это очень комично.

– Приятного аппетита, – произносит сквозь зубы. – Писец, как жрать хочется.

– Сейчас кто-то зайдёт и навеки заклеянит меня стервой, – сообщаю я ему, не в состоянии сдержать смеха. На самом деле я очень голодна: не стала перекусывать дома. При нём, правда, кусок в горло не лезет, но пахнет аппетитно.

Он берёт мою вилку, отрезает ребром четверть сырника, щедро макает в варенье и кладёт на тарелку. Я беру столовый прибор и отправляю еду в рот.

– Очень вкусно, – говорю я.

– Запах супер, – в доказательство делает глубокий вдох, блаженно закрывая глаза. Мне остро хочется его вкусно кормить каждый день своей жизни.

Даже головой приходится встряхнуть, чтобы прогнать навязчивую фантазию в виде Ярослава на моей кухне.

– Сама готовила. Я потом тебе сколько угодно нажарю, когда можно будет. Если захочешь.

Он смотрит на меня как-то странно, но кивает продолжать.

Самое идиотское свидание в моей жизни.

Да нет же! Никакое это не свидание! В том, что мы проводим вместе пару часов в день, нет ничего такого. Должно быть, у него есть девушка. Просто она его любит и жалеет, она ни за что не станет с энтузиазмом уплетать при нём твёрдую пищу, зная, что ему такое удовольствие светит не раньше, чем через месяц в лучшем случае.

Когда я убираю со стола, чувствую, что немного злюсь:

– Если тебе вздумается ещё раз проверить мою совесть на прочность, то в следующий раз ты тоже должен есть. Хоть что-нибудь, хоть белковый коктейль тянуть через соломинку. Я себя, честно говоря, ужасно чувствую.

– Хочешь загладить вину? – перебивает Ярослав. Он очень серьёзен, от его прямого взгляда вдоль позвоночника ползёт колючий холодок. Кажется, кто-то чувствует себя намного лучше и кого-то тянет на приключения. Он смотрит

на мою шею, затем ниже – на грудь, резко возвращается к глазам. Такое впечатление, будто он опомнился и остановился. Он моргает. Мне становится ужасно не по себе и в то же время как-то... хорошо.

Хорошо, что он так на меня смотрит. Значит, операция точно прошла успешно. И между тем я впервые до конца осознаю, что он – мужчина, а я – женщина. Между разнополыми людьми стандартной ориентации, конечно, бывает дружба, но это скорее исключение из правил.

– Как мне загладить вину, Ярослав? – слова звучат слишком покорно, слишком эротично. Его глаза темнеют, зрачки расширяются.

В этот момент дверь открывается и нас прерывает всё тот же врач.

– Доброе утро, Ярослав, Катерина, – говорит он, подходя к нам. – А чем это так аппетитно пахнет? – окидывает взглядом палату.

– Пожалуй, мне пора, – прячу за спиной пакет с пустыми тарелками, которые звонко стучаются друг от друга.

Врач хмурится, смотрит то на Ярослава, то на меня. Челюсти его пациента надёжно сцеплены – при всём желании я бы не смогла ничего запихнуть ему в рот. Ругать не за что. Врач это понимает, но всё равно выглядит недовольным.

Ярослав моргает, прощаясь, и смотрит на доктора, я выхожу из палаты, чувствуя смятение и сумбур.

Просто не ходи к нему больше. Не пиши, не отвечай на

сообщения, не выполняй просьбы. Не кокетничай.

Глава 5

Ярослав

Лучше бы сломал руку, блть.

Девушка хорошенькая такая, поцеловал бы её уже десять раз за это время, и никуда бы она от меня не делась. Не то чтобы я как-то особенно целуюсь... да нет, классно я это делаю, ни одна ещё не вырвалась, напротив, снова ластились, намекали.

Процесс этот я не люблю, но надо. Иначе до цели не добраться. А если и добраться, то путь тернист и долог. Хотя отец как-то сказал, что надо потерпеть до свадьбы, потом уже целовать не обязательно. Но, пожалуй, настолько кардинально решать вопрос я пока не готов.

Игнорирует меня Катерина, пишет, что занята. Мне казалось, что искра проскочила, а потом вдруг «занята». А мне-то нефиг делать, только слоняться по палате, на стенку лезть от скуки.

Есть хочется. Даже не так. Адски жрать хочется ежесекундно. Жидкая пища либо не усваивается, либо делает это слишком быстро. Супчики-бульончики, детское питание, протеиновые коктейли для меня вообще не еда. И вро-

де бы калории посчитаны, но ощущение, что пустой чай дуоу день за днём.

Кусочек бы мяса. Сочного. Можно даже жёсткого, сухого и без соуса. Немного посолить сверху – и чудесно.

Чуть слюной не захлебнулся от этих мыслей.

Я думал, она теперь будет каждый день меня навещать. Пусть сначала из чувства благодарности, хотя это лишнее. Если бы она после всего послала меня далеко и надолго, я бы не расстроился. Оно того стоило – пусть живёт, радуется, детишек рожает.

Катя-Катя-Катерина. Мельком глянешь – юная совсем, а взгляд глубокий, серьёзный. Логопед, с детками занимается, проблемы их решает. С виду может показаться – ерунда какая. Но нет, напротив. Дети – будущее нашей страны, а слово «патриотизм» армия в моей дурной башке выжгла навечно.

Всю её обсмотрел за эти дни – понравилась.

В дверь стучатся. Ура, пришла всё-таки! А говорила, что занята. Я быстро оборачиваюсь, но увидев гостью, расстраиваюсь. Улыбка сползает с моего лица.

На пороге вовсе не Катя, а моя бывшая – Маринка Воробьева. Стоит скромно, смотрит на меня.

– Можно? – спрашивает.

– Заходи, – киваю, отворачиваясь. Не хочу её видеть: расстались мы так себе. Но уже отболело, зарубцевалось намертво. Вместе были чуть больше года, все нервы мне вымотала за это время.

Я, конечно, тоже не подарок, но в итоге пришёл к выводу, что никто не виноват, мы просто слишком разные. Познакомились давно, когда я ещё учился на первом курсе на психолога – вот как жизнь изменилась-то! Она запала на мажора, я – на её модельную внешность. Затем пути разошлись: я ушёл в армию, после которой взяли в ОМОН, параллельно учился в военном на заочке, тренировался, времени не было, а она – ммм, хорошела.

Случайная встреча, интерес, страсть. А дальше – «ты вечно занят», «мне скучно», «я в клубе с друзьями». Каком ещё, блть, клубе?!

– Боже, что у тебя с зубами... – закрывает рот ладонью, поражённо моргая. Я улыбаюсь, показывая скобы и резинки. Выглядит, конечно, жутковато. Как из фильма ужасов. – Это навсегда?

Аж смешно.

– Полгода как минимум ходить, – слегка преувеличиваю, наблюдая за её реакцией. Она удивлённо качает головой.

– Ужасно, просто ужасно.

Пожимаю плечами, присаживаясь на кровать. Жду, что её тяга к прекрасному потянет её на выход из палаты, подальше от меня-чудовища. Но нет, усилием воли девушка заставляет себя остаться. Потом подходит и даже присаживается на кровать рядом со мной. Одета крайне эффектно – заметно, что готовилась. Шикарный вырез, соблазнительная родинка. Знаю, что ненастоящая, – татушка, выполненная очень нату-

рально. Но ведусь: она как маячок притягивает взгляд в ложбинку. Моргаю и отворачиваюсь – держи себя в руках, Ярослав! Мы там уже были, и последствия нам не понравились!

– Зачем ты приехала? – спрашиваю сквозь зубы. Не специально рычу – пока другой возможности говорить нет.

– Увидела твой стриптиз, не смогла остаться в стороне. Кошмарная у тебя работа.

– Они лицо не замазали, что ли? – напрягаюсь немного.

– Да я так узнала, по фигуре, – отмахивается и вздыхает. – И татуировке на боку.

– Ясно.

Некоторое время мы молчим, потом я говорю:

– Марина, спасибо, что навестила, мне приятно. Но правда, не стоило.

Она вскидывает свои прекрасные голубые глаза и начинает тараторить:

– Яр, я никогда тебе не изменяла, у меня ничего с ним не было. Может быть, сейчас ты захочешь меня выслушать? Говорят, оказавшись одной ногой в могиле, человек переосмысливает свою жизнь. Я когда прочитала новости... так плакала! Так переживала за тебя!

– Спасибо, Марин. Но... говорить не о чем, – отворачиваюсь. Эта тема вызывает во мне только раздражение. Я перелистнул страницу, закрыл книгу, убрал её на полку. Сжёг шкаф, продал дом и свалил из города. Фигурально выражаясь.

– Мне всё ещё больно, что мы расстались именно так.

– Ну да, приятного мало. Я вернулся из командировки, а ты в клубе висишь на каком-то мудаке.

– Это был просто танец! – всплёскивает руками.

– Да я что, против? Танцуй. Только без меня.

– Я забыла, какой ты невыносимый! – она вскакивает на ноги. Затем снова присаживается. – Видишь, что происходит? Всё ещё выводишь меня из себя парой фраз! Знаешь, что это значит?

– Что нам всё ещё нужно держаться друг от друга как можно дальше?

– Что чувства никуда не делись. У тебя ведь пока нет никого?

Как знать, как знать, Марина.

Впрочем, Катя до самого вечера не читает мои сообщения, а я как привязанный к этой клетке. Вечером приезжает мама, рассказывает новости. Деловито сообщает, что перечитала весь интернет, и уверяет, что поводов для беспокойства нет, поставим мне самые лучшие брекеты, улыбка станет бесподобной. Мама, как и Марина, думает, что внешность для меня имеет большое значение.

Вообще безразлично. Не после всего, через что я себя протащил.

– Да я не беспокоюсь, мам. За улыбку-то, – сдавленно смеюсь. Мама у меня замечательная. Для меня она эталон женственности и хрупкости, ни разу не видел её в брюках, толь-

ко в платьях. Творческий человек, ранимый. Поэтому очень удивился, когда она вцепилась в волосы Катюке и выволокла её из палаты. Чуть глаза из орбит не вылезли.

У мамы была мечта, чтобы хотя бы один из её сыновей занимался бальными танцами. В красивой одежде, с бело-снежной улыбкой и с идеальной осанкой. Она даже водила нас с Русиком целый месяц на тренировки бальников, пока отец не узнал, что секция карате работает в другие дни. Ну и не прикрыл это дело. «Педиков мне хочешь вырастить?!» – орал он как бешеный. Номер у мамы не прошёл, но и «педиками» мы, отдать должное, не выросли.

И тем не менее... Катя. Не пришла, ни на одно сообщение не ответила.

Долго уснуть не могу, мучаюсь от голода, живот спазмами сводит. Какое там мясо?! Хотя бы корочку хлеба... можно даже не солить. Чёрствого. Чёрного. Плесень бы соскрёб... клянусь, счастлив был бы! Чуть позорно не всхлипывал. Голод... адский, сжигающий изнутри, отдающийся тошнотой. Жрать, жрать хочется! Ворочаюсь, терплю. Утром не выдерживаю, снова пишу Катерине:

«Хочу жареную курицу».

Решаю взять внезапностью. Продинамит – ладно, отложим встречу до того момента, как я выйду отсюда.

Прочитано. Печатает. Затаился, жду.

«Доброе утро, Ярослав».

Неплохо.

«Не вареную, не суп, не бульон. А жареную, с корочкой. Привет, малышка». А потом добавляю: «Она мне снилась».

«Утром я такое не ем», – отвечает.

«Как насчёт обеда?»

«Днём у меня психолог и ещё одно собеседование».

«Ужин?» – я настырный.

«При свечах?»

«Придумаю что-нибудь», – отвечаю.

«Вечером у меня языковая школа. Но, может, успею после неё», – сдаётся.

«Ты, кстати, можешь выпить вина».

«А ты? В смысле, оно же жидкое».

«Увы. У меня строгая диета. Если что-то пойдёт не так, могу захлебнуться».

«Какой кошмар! Риск точно не стоит того».

«Так что, Катя?»

«Я подумаю».

«Я тебя буду ждать». И добавляю: «Весь день».

Глава 6

Катерина

У меня есть хлопковое красное платье в мелкий горошек. Оно длинное, простое, и совершенно непонятно как, но оно добавляет мне баллов двести по шкале сексуальности.

Волосы у меня тёмно-русые. Раньше красилась в блондинку, но потом надоело: слишком сложный уход, да и не дешёвый. Надеваю серёжки. Платье эффектно облегает грудь, поясом акцентирую внимание на талии.

У нас с Ярославом по-прежнему нет общих тем, отсутствуют общие интересы и знакомые. Только странный фетиш с едой и одно на двоих воспоминание о страшных часах. Я крашу губы, думая о том, как буду жевать при нём мясо. Никто не знает, что я всё ещё к нему езжу: я держу наши встречи в секрете от родных и друзей. Я... просто не могу остановиться.

Это посттравматический стресс. У нас обоих. Кто-то должен разорвать замкнутый круг. Судя по настырности спецназовца, придётся мне, но, кажется, не сегодня.

Стучусь в дверь его палаты уверенно – сам приглашал настойчиво, я не навязывалась. Открываю её и замираю на пороге. Ярослав сегодня не один, на стульях у его кровати сидят двое мужчин. Они о чём-то болтают, своим появлением я прерываю беседу. Три пары глаз устремляются на меня, мужчины как по команде вскакивают на ноги. Невольно улыбаюсь, поражаясь их воспитанию.

На вид гостям около тридцати, высокие крепкие мужчины. Они переводят вопросительные взгляды на Ярослава, тот жестом приглашает заходить. Его постель наспех заправлена, покрывало смято.

– Добрый вечер, – произношу я. – Не вовремя? – смотрю на своего раненого.

– Привет, Катя! Я тебя ждал, – от его самоуверенной улыбки становится, честно говоря, не по себе. С каждым днём ему всё лучше, и он начинает меня немного... пугать напористостью.

Ярослав поспешно подходит ко мне, легонько приобнимает и провожает в комнату.

– Парни, это моя Катя, – улыбается. Я округляю глаза в ответ на местоимение «моя». – Рома и Лёха, мои друзья, – кивает на мужчин. Снова притяжательное местоимение.

Возможно, он так про всех говорит? «Мой стоматолог»,

«мой парикмахер», «моя соседка». Будто делит окружающих на своих и чужих. А может, я выдумываю.

– Очень приятно, – улыбаются они, смотрят очень внимательно. Если сослуживцы, а похоже на то, значит, узнают. Что-то себе думают, но не комментируют.

– Взаимно, – отвечаю вежливо.

Было бы логично занять один из стульев, но Ярослав подводит меня к кровати. Присаживается сам, потом двигается, приглашая занять место рядом. И я принимаю приглашение.

Наконец, мы все вчетвером сидим.

Примерно через минуту я начинаю осознавать, что за окном давно стемнело, а я нахожусь в комнате с тремя малознакомыми мужчинами. С одним из них мы на кровати. Чтобы меня не смущать ещё сильнее, они обсуждают общего знакомого. Роман заканчивает какую-то историю, Алексей дополняет подробностями, Ярослав внимательно слушает, приглушённо смеётся.

Одна его рука лежит на изголовье кровати, как бы обнимающая меня, но не касаясь. Всем своим видом Ярослав демонстрирует друзьям права на меня. Словно я – действительно его. Чтобы у них даже мысль не мелькнула заинтересоваться мною. Во рту пересыхает, нестерпимо хочется пить.

Я слушаю окончание истории про человека, которого не знаю, попутно бросая взгляды на своего бойца. На его крепкие ноги, его мерно вздымающиеся грудь и живот под чёрной майкой. Свободные штаны с мягкой резинкой. Отмечаю, что

он очень чистоплотен, каждый день в свежей одежде, приятно пахнет мылом и тщательно выбрит. Хотя сейчас, к вечеру, уже появилась тёмная щетина. Интересно, утром она будет колоться?

О чём я думаю? Сама себя удивляю!

– Чёрт, вы меня, конечно, извините, но... Мне кажется, или я чувствую запах курицы? – вдруг переключает на себя внимание Алексей. Я смотрю на него и понимаю, что раньше его где-то видела, слышала этот голос. Но никак не могу припомнить, где именно. Парни активно кивают.

– Да, я тут еды принесла, – хватаю пакет, который оставила у кровати.

– Курицу Ярику? – приподнимает брови Роман. Кажется, он считает меня слегка идиоткой.

– Ладно тебе, девушка всё ещё в стрессе, – кладёт ему руку на плечо Алексей.

И прежде чем я успеваю умереть от стыда и смущения или ляпнуть что-то колкое в ответ, Ярослав отвечает:

– Это я попросил, дабы получить визуальное и обонятельное удовольствие. Жареная курица, как женская... – он сам себя обрывает, замирая на целую секунду, а затем заканчивает иначе, чем планировал изначально, – как красивая женщина: всегда приятно просто посмотреть, – срывается на смешок, жестикулируя.

Парни приглушённо смеются и закатывают глаза. Ярослав, слегка смутившись, проводит рукой по голове с отрос-

ШИМ ёжиком волос.

– Н-да, это всё сотряс, – дополняет себя.

– Может быть, и неплохо, что тебе зашили рот? – спрашиваю ласково. Парни улюлюкают в ответ, он сам смеётся:

– Тонко, – отвечает беззлобно. Кажется, ему понравился мой подкол.

– Тогда тебе всё равно, кто будет есть? Эстетическое удовольствие получишь и так, и эдак, – переводит тему Роман, всё ещё улыбаясь. – Уж больно вкусно пахнет.

Ярослав закатывает глаза.

– Я после смены, не ужинал, – сообщает Лёха вкрадчиво.

– Здесь немного, – предупреждаю я, поднимаясь на ноги. – Не смотрите так на меня, он меня заставил! – оправдываюсь, поддерживая общее весёлое настроение. Мы втроём смеёмся. Ярослав тоже, кажется, веселится, хотя и делает вид, что недоволен, пока я сервирую стол-тумбочку.

После чего парни вдвоём с аппетитом едят, макая кусочки в соус и хрустя свежими овощами.

– С ума сойти, как вкусно, – хвалят. – Ярик, чувствуешь этот нереальный аромат? На вкус ещё лучше.

Он громко сглатывает, бросая на них полные притворной ненависти взгляды. Они смеются, вытирая губы салфетками.

Я возвращаюсь на место рядом с ним. Ярослав снова закидывает руку, но теперь уже обнимает меня, слегка притягивая к себе. О Боже.

Сижу с ним на кровати. Рядом. Бок о бок. Чувствую его

горячее бедро вплотную к своему. Одна его нога как две мои.

Моё дыхание становится чуть глубже, со стороны, надеюсь, незаметно. Кровь отливает от лица и устремляется к низу живота, обжигая внутреннюю часть бёдер. Он немного вспотел, и мне до дрожи нравится, как он пахнет. Посттравматический стресс пускает в меня корни.

Я замираю и практически не шевелюсь. Отвечаю на осторожные шутки и комментарии ребят – под взглядом Ярослава они не позволяют себе ничего лишнего. А может, просто хорошо воспитаны. Среди троих мужчин полное ощущение безопасности.

Как бы случайно, между прочим, Ярослав берёт мою руку своей свободной и переплетает наши пальцы. Я слегка округляю глаза, но при его друзьях не решаюсь выдернуть ладонь. От них не скрывается этот жест, они бегло переглядываются, кивают друг другу и поднимаются.

– Ну, нам пора, – говорит Роман. – Мусор заберём, – смахивает в пакет одноразовую посуду. Я решила в этот раз не звенеть тарелками на всю больницу.

– Держись молодцом. После следующей смены снова заскочу, – прощается Алексей. – Если что-то надо – пиши. Привезу.

Ярослав кивает.

– Поправляйся. Я вернулся через год к работе, ты удивишься раньше, – дополняет Роман. – Лицо не нога, в беге не участвует. Можно сказать, повезло.

Ярослав снова кивает. Наконец, дверь за ними закрывается и мы остаёмся наедине. Он всё ещё обнимает меня, всё ещё держит за руку.

* * *

Проходит не меньше минуты, а мы так и сидим вплотную, играем пальцами друг друга и наблюдаем за этим процессом. У него крепкие большие ладони, полностью соответствуют росту и комплекции. Вдруг он вскидывает глаза, а у меня голова кружится от такой близости. Он совершенно серьёзен.

– Спасибо, что пришла, – произносит. Его губы очень сухие и будто воспалённые, он не может облизать их: язык в клетке за зубами. При мысли о его языке внутри словно затягивается узел напряжения. Его взгляд мечется с моих глаз на рот и обратно. Если бы он мог, то поцеловал бы меня прямо сейчас – я читаю его потребность по невербальным знакам. Предвкушение заставляет сердце биться райской птицей, счастливой и беззаботной. Свободной и вольной получать удовольствие.

Бесстыжее сердце.

– Ждал? – спрашиваю.

– Ждал, – не мешкая.

Он смотрит на меня, рукой ведёт по моей спине, и я напрягаюсь, немного отстраняюсь. Опускаю глаза.

– Ты мне нравишься, – говорит он. – Очень. Но ты мне

ничего не должна. Если не хочешь, я отстану.

– Да, так будет правильно, – отвечаю. Судя по его взгляду, он рассчитывал на другой ответ.

– Может быть, не прям сразу отстану, – дополняет, и я улыбаюсь. Он тоже, но одними губами. – Меня скоро выпишывают, и я бы хотел пригласить тебя на свидание. Нормальное.

– Ярик, наверное, не стоит, – отрицательно качаю головой. Впервые называю его «Ярик». Скажи, скажи же ему. Внутренний блок не даёт, отчаянно хочется продлить этот флирт, растянуть удовольствие. В груди так вообще колотится, я такого прежде не испытывала.

– Подожди, не отказывай. Просто подумай. Я не обижу, – и смотрит.

Так смотрит! Сжимает мои пальцы – я не шевелюсь, дыхание затаила. А потом он обнимает меня, прижимает к себе и откидывается на подушку.

Совершает глубокие вдох-выдох.

– Не обижу и в обиду не дам. Даже там, в ювелирке, не дал бы. Видел в твоих глазах готовность, но я бы не позволил ему до тебя дотронуться. Никому бы не позволил, клянусь. Ждал лучший момент, чтобы подать знак снайперу. Я как тебя увидел, сразу понял, что вытащу. Вот хоть как, любой ценой, зубами им глотки перегрызу, но вытащу.

– А говоришь, что я ничего не должна.

– Не должна. Но ты потом начала приезжать... Не может

быть, чтобы из одной жалости.

– У меня слабость к мужчинам с трудностями. Комплекс спасительницы, – отвечаю и зажмуриваюсь. Очень нравится потому что лежать на его груди. Чтобы гладил. И чтобы говорил что-нибудь. А ещё нравится, что он серьёзен и откровенен, наедине он всегда со мной искренний. Не спесивый, каким хочет казаться.

Он думает.

– Раз так, я могу попросить подольше не снимать шины, – отвечает, и я тихо смеюсь, поражаясь его настойчивости.

– Ты всегда такой упорный?

– Ты меня ещё плохо знаешь, Катенька, – отвечает. – Мне не нужно твоё «да», просто не говори категоричное «нет», а там посмотрим.

И ведёт рукой по моей спине. Я слышу, как колотится его сердце, кровь разносит кислород по организму. Я уговариваю себя, что это полезно: больше кислорода, питания, быстрее срастаются переломы.

Когда я через минуту поднимаюсь с кровати и иду к окну, чтобы немного охладить комнату и разрядить наэлектризованную атмосферу между нами, замечаю, что если его организм и занимается лечением двойного перелома, то в данный момент все силы бросил на оживление другой части тела, которая отчётливо заметна даже через ткань свободных штанов. У моего спецназовца эрекция. Ого-го!

– Жарко, да? – произношу я хрипло. Открываю окно по-

что настужь, задерживаюсь на несколько секунд, ловя порывы вечернего ветра.

Он поднимается с кровати, показывает два пальца и скрывается в ванной.

Через пару минут появляется, как и обещал. Подходит ко мне, обнимает со спины. Ничего лишнего себе не позволяет, можно даже сказать, что обнимает аккуратно, по-дружески. Его внешности, походке, выражению лица больше бы пошло сразу схватить за задницу. Я бы тогда психанула и со спокойной совестью убежала.

Не знаю, что он делал с собой в ванной и делал ли, но это не помогло. Он хочет меня. Моё лицо снова горит. Грудь ноет, хотя обычно я не терплю к ней прикосновения. Смотреть – можно, но трогать ни-ни. А тут почему-то хочется, чтобы он провёл рукой. Коснулся.

Его руки очень горячие.

– Мне пора идти, уже поздно, – произношу я.

Он прижимает меня к себе сильно, но буквально на мгновение, потом отпускает.

– Я вызову тебе такси, – говорит ниже, чем обычно. Берёт телефон. – Говори адрес, – смотрит выжидающе.

– Я сама себе вызову, спасибо, – мягко отказываю, едва скрывая улыбку.

Следом приходит сообщение о зачислении пяти тысяч рублей на карту.

– Ты с ума сошёл? Зачем?!

– Хочу заплатить за такси. И ужин.

– Который съели твои друзья?

Он кивает.

– Они нормальные парни, а поесть мы все любим. Не отказывай хотя бы в этом. Пожалуйста, Кать.

– Это слишком много, не стоило, – говорю я, – мне было приятно угостить вас.

Я понимаю, что ему это важно и не спорю. Беру плащ, сумку, он показывает пальцем на щёку, прося поцеловать себя напоследок, но я отрицательно качаю головой и убегаю как преступница.

Сердце колотится, в ушах шумит. Я ужасно хочу остаться, поцеловать его. И в щёку, и в висок. И в шею. Я всего его хочу. Целиком. Об этом стоит сказать психологу?

У всех нормальных людей после подобной ситуации развивается стокгольмский синдром, они сочувствуют бандитам, но хватаются за то, какие те плохие, и избавляются от дурацкой привязанности!

Как избавиться от привязанности к герою? Который не даёт ни единого повода себя ненавидеть.

Пока спускаюсь по лестнице, даю себе обещание, что больше не приеду. Иначе мой посттравматический стресс сломает мне всю жизнь.

Глава 7

Ярослав

Брат не отвечает ни на звонки, ни на сообщения. Неужели всё ещё спит? Впечатываю кулак в ладонь, хожу по палате. За девять дней эти стены осточертели. От запаха лекарств и хлорки подташнивает. Вид из окна на участок дороги и деревья – все мои развлечения помимо планшета. Чувствую себя диким зверем в зоопарке. Деться некуда, сижу жду, пока накормят больничной дрянью да навестят любопытные.

Марина каждый день приходит, притаскивает измельчённую еду. Дескать, пей через соломинку – вкусно. Питательно. Полезно.

Не пью. То ли из принципа, что не хочу есть ничего из её рук, то ли потому, что не доверяю – отравиться и правда опасно. Резинки, конечно, можно быстро перерезать, но это крайняя мера.

Оставляю на тумбочке, потом выливаю. Катя снова динамит. Не привык я к такому, но и злиться на неё не получается. Может, правда я её возвращаю в воспоминания об ограблении, и ей не по себе? Ладно, для меня это просто день. Для неё событие всей жизни.

На все вопросы о физической нагрузке врач как попугай тараторит: «Поберечься». Рычать хочется! Впрочем, сквозь зубы у меня теперь иначе и не получается.

Несколько раз в день мне проводят санацию челюсти – приятного мало, но не смертельно. Теперь буду заботиться о себе сам. Спрашиваю у доброй молоденькой медсестрички, которая мне строит глазки:

– У меня клык вверху немного выбивается из общего ряда, как думаете, эти штуки могут заодно сделать «абсолют»? – приподнимаю брови.

Она хихикает:

– Не уверена, Ярослав, – грозит мне указательным пальцем. – Этот вопрос лучше доктору задать.

– Доктор у меня без чувства юмора, хоть с виду и приветливый.

– Вы поменьше разговаривайте, вам лучше поберечься.

Опять это слово! У меня пропадает интерес к медсестре, я снова берусь за сотовый.

«Рус, меня выписали! Мне нужны ботинки и ключи от квартиры!»

Набираю брата – гудки идут, мёртво! Ар-р-р! Документы лежат на тумбочке, меня благословили валить на все четыре стороны. Каждая лишняя минута в этих стенах буквально добивает! Он обещал забрать меня, мелкий засранец.

Что мне, в сланцах и носках по городу расхаживать?

Да нет, я могу. По хрен. Но в квартиру-то не попасть, если он ночует у подружки.

В дверь стучат – оборачиваюсь.

Это не брат, впрочем, даже к лучшему. Дверь осторожно приоткрывается, и мой взгляд намертво приклеивается к её глазам. Они у неё разные, клянусь, я почитал, называется гетерохромия. На самом деле не слишком заметно, только если приглядишься. Левый глаз зелёный, правый – как бы тоже, но вокруг зрачка будто голубая корона или неровный ободок. Серьёзно, не сказать, что именно броско, но внимание притягивает.

И получается, что пялишься в эти глаза, сам не понимая почему. А потом, когда доходит, уже и всё остальное нравится.

– Привет, Ярослав! – Катя заходит и закрывает за собой дверь. В розовой толстовке и свободных джинсах, прямые волосы распущены. Фигура супер, я уже изучил за эти дни всю по миллиметру. И вообще она будто своей стала, родной. Короче, меня более чем устраивает.

– Привет! – развожу руки широко, хвастаясь бодростью. – Ты вовремя, потому что меня выписали!

Она делает несколько шагов вперёд, рассматривает меня и почему-то не радуется, а хмурится.

– Но ты всё равно диету соблюдай.

– Да понятно. Шины пока не снимают.

– Хорошо. Яр, я рада, что застала тебя. Хотела сначала

написать, но потом решила, что правильнее сказать, глядя в глаза.

А у меня самоконтроль сбоит, я понимаю, что адски соскучился. Вот знаю её чуть больше недели, а соскучился! Внутри горит. Не просто по женской ласке истосковался, хотя по ней тоже. Например, Марина и сослуживица Аня, что тоже навещала, немного волновали, но заглушил легко.

А вот Катя... Моя Катенька. Живая, здоровенькая, невредимая. Которая героем меня называла.

– Позже, – я подхожу и крепко обнимаю её, прижимаю к себе изо всех сил своего ослабленного пустым чаем организма. У неё даже косточки хрустят – девушка ойкает. А почувствовав, как она обнимает меня в ответ за шею, как её пальцы касаются моего затылка, проводят по нему, взъерошив волосы, я отстраняюсь от неё, чтобы через секунду впиться в губы.

Всем телом вздрагивает.

Да не бойся, не покусаю. В наморднике же.

Просто невинно целую, прижимаюсь своими губами к её. Сам глаза закрываю, закатываются они – так хорошо. Внутри не просто пожар, там взрывы и огненная буря. Обхватываю её лицо руками. Целую-целую-целую. Рот держу закрытым, чтобы не дай Бог не порезать, просто чмокаю. Не могу оторваться. Хорошенькая такая. Блть, я всё решил: хочу и дальше быть для неё героем.

Она сначала отвечает. Первые несколько раз. А потом

прижимает ладони к моей груди, будто отталкивая. Я поднимаю её на руки, тащу к кровати, укладываю, нависаю сверху.

– Ярослав, Яр, перестань! – ахает она: – Что ты делаешь?! Сейчас войдут! – она паникует, глаза испуганные, мне аж неловко. Вроде же тянулась, искрило. Да я не стал бы ничего, так, побаловаться. Полежать сверху.

– Я тебя так ждал все эти дни. Так много всего хотел сказать... – шарю взглядом по её лицу. Щёки розовые, глаза блестят, ещё красивее, чем минуту назад. Голубая коронка вокруг зрачка. Целую снова в губы. Хорошо как, нравится.

Хочу её. Хочу так, что лишь о ней подумаю – в мыслях хаос. А сейчас, когда лежу сверху, когда она дышит часто...

– Яр, я...

– Что? Что не так? – спрашиваю. – Тяжело? Никто не войдёт, меня уже выписали. Все ждут, когда свалю.

– Я ж... я замуж выхожу, – она сводит брови вместе и жалобно добавляет: – Прости, что не сказала раньше. Я не думала... я должна была, конечно. Ты не спрашивал.

Вот да. Даже в голову не пришло как-то спросить.

Внутри в момент всё обрывается. Как ведро ледяной воды на голову вылили. Так зубами скрипнул, что аж заболело, как бы не сломал в третий раз. Не могу поверить, смотрю на неё: вдруг пошутила? Даже не моргает.

– Когда? – будто это имеет значение.

– *В шоле*. Платье уже купила. Туфли, – продолжает она резать без ножей. Усилием воли гашу вспышку неконтролиру-

емой похоти, которая при упоминании о левом мужике рядом с ней никуда почему-то не девается. Я хочу её по-прежнему. Щас пар из ушей повалит, как сильно.

– Туфли, блть? Какие ещё туфли? – сажусь ровно, позволяя ей сначала подтянуть ноги к груди, а затем и вовсе спустить их на пол. Теперь мы просто целомудренно сидим напротив друг друга и разговариваем.

Правда, на кровати.

– Когда ты молчал, нравился мне больше, – говорит она, устремив глаза в пол.

– Да... а кто он? – спрашиваю, будто это важно сейчас. Сердце сильно колотится, на разрыв. Понимаю, что она пришла попрощаться. Храбрая моя Катя сама пришла, не эсэм-эской ограничилась. Ругать её за это нельзя.

Всё это время я прикидывал, стоит ли с ней продолжать, звать ли на свидание, насколько сильно она мне нравится. А оказывается, она вообще с другим. Моё мнение не имеет значения.

И в этот момент я понимаю, что нужна она мне. Очень сильно.

Некоторое время мы молчим. Я смотрю в пол, не понимая, как такое вообще возможно. Я уже всё распланировал. Как с ней буду.

– Жалеешь, что спас? – она встаёт, отходит к окну и делает вид, что ей интересно, что там творится на улице. Обхватывает себя руками, будто замёрзла.

– Нет, просто расстроился. Почему не сказала раньше?

– Говорю же, ты не спрашивал!

– А если честно?

– Не знаю, – отвечает. И я понимаю, что это честно.

– Может быть... потому что ты не очень хочешь замуж? –

даю подсказку, глядя на неё внимательно.

Она будто встрепенулась, взглянула на меня, как кипятком плеснула. И снова на птичек в окно.

– Ты классный парень, но... подумай сам. Вот тебе сейчас грустно, одиноко. Ты решил за мной приударить, потом что-нибудь случится, мы разбежимся. А я... с парнем два года встречаюсь. Он... год назад в Германию переехал, в июле мы поженимся, и я с ним туда уеду. Всё спланировано, приглашения на свадьбу разосланы. Мы любим друг друга. А с тобой... ты хороший, но, скорее всего, у нас влечение из-за стресса. Оно пройдёт, и что потом?

Я молчу, перевариваю. Соппротивляюсь скорее по инерции:

– Я не думаю, что это просто страсть. Ты мне нравишься.

– Я не жду от тебя заверения в серьёзных намерениях. Не за этим пришла. У меня есть жених, и у нас с ним всё решено. Я тебе благодарна, ты спас мне жизнь. И он тоже тебе очень благодарен, – говорит она, а я опускаю глаза, скрывая эмоции и всё, что думаю о благодарности её жениха. Ревность бьёт по щекам наотмашь – я чувствую, что краснею. Из-за девки. Чуть ли не впервые за последние лет пятнадцать. –

Понимаешь, в тот вечер я присматривала серёжки к свадебному наряду. После покупки обручальных колец мне сертификат дали. У меня планы на жизнь. И я не хочу всё это разрушить. Ещё раз прости, если дала надежду. Я сама заигралась.

Киваю, смотрю на неё. Бледная, всё ещё обнимает себя. Неясно, меня убедить хочет или себя.

– Мне пора, Ярослав. У меня языковая школа, мне надо... подтягивать немецкий.

– И занятий с логопедом тоже, я так понимаю, не будет?

– Прости. Я посоветую тебе коллегу. Нам с тобой лучше не видеться – опасно.

Она уходит, и я кидаю ей в спину:

– Где ж твой жених был, когда тебя чуть не убили? Почему ты плакала не у него на плече, а у меня? – сквозь зубы выходит драматичнее, чем планировал.

– Ему лететь через половину земного шара. Он знает, что я занимаюсь с психологом.

Произношу беззвучно: «Гондон».

Она злится, отворачивается и уходит. Набираю брату – недоступен. Телефон выключил, или батарея села. Чёрт! Если он дрыхнет с похмелья, прибью!

Вызываю такси и выхожу на улицу в чём есть. Благо тепло.

Глава 8

Катерина

– Мне кажется, тебе надо сменить психолога, – говорит мне Надюша, моя близкая подруга. – Прошло уже две недели, а ты по-прежнему сама не своя, – причитает.

Мы пьём чай у меня дома. Вернее, эта квартира принадлежит Юре, мы здесь жили вдвоём почти год, потом он уехал в Германию воссоединяться с семьёй. *И примерно через полтора месяца мы воссоединимся с ним.* Всё закончится, от вредных воспоминаний о спецназовце Ярославе не останется и следа.

– Всё в порядке, – вздыхаю. – Нервничаю перед свадьбой.

– Боишься, что Юрка не прилетит?

Я даже вздрагиваю, потому что раньше не задумывалась о возможности такой развязки. А потом пугаюсь, потому что чувствую укол радости прямо в сердце: вот бы так и было! Он бы не прилетел – я была бы не виновата. Свободна! Родители бы жалели меня, а не ругали, что разрушила своё счастье и их мечты о красивой старости за границей. Уже два года я сама себя обеспечиваю и привыкла отвечать за свои поступки, но иногда так хочется, чтобы всё разрешилось само собой! Без

моего участия.

– Такой вариант не приходил мне в голову, – отвечаю, оттягивая воротник водолазки, словно в квартире вдруг стало душно.

– Если он так поступит с тобой, я куплю билет в Мюнхен и лично влеплю ему пару увесистых пощёчин!

Вряд ли он так со мной поступит. К моему большому сожалению. Дурацкий стресс пустил корни – мне кажется, я разлюбила Юру и могу думать только о своём герое. Выкорчевать. Сжечь. Забыть. Но лгать Наде мне не хочется:

– Спасибо, моя хорошая. Если честно... я бы, наверное, даже обрадовалась.

– О, родная, ты правда так сильно нервничаешь перед свадьбой? Оно и понятно! Столько важных событий за ней последует, в том числе переезд в другую страну. Любая бы на твоём месте переживала.

– Наверное. Ещё я... – Наде я могу сказать. Наверное, только ей одной: – Не могу забыть того парня. Который спас меня.

– Спецназовца?

– Да. Всё время думаю о нём. Во сне его вижу.

Надя тянется ко мне, сочувствует:

– Тебе снятся кошмары?

Эм-м-м. Вообще-то нет. Если бы! Будь так, я бы с огромной радостью сменила декорации и переехала в Европу! Мне снится он один. Скупые поцелуи, касание широких ладоней.

Жар его тела, он ведь... и правда, как солнышко. Горячий и энергичный. Космический и термоядерный!

А потом он открывает рот, будто бы шины ему уже сняли, и целует меня по-взрослому. Пихает язык в мой рот. Я концентрируюсь на его вкусе и просыпаюсь, потому что не знаю его.

– Мне снится он, Надь, – сдаюсь я. – Ты бы его видела... Я, кажется, на него запала.

Подруга округляет глаза:

– Это из-за стресса, Катюх. Не вздумай наделать глупостей перед свадьбой! Сколько вы с Юрой вместе? А сколько ты знаешь этого парня?

– Я и не собираюсь! – всплёскиваю руками. – Просто... я не знаю, – обхватываю себя руками. Этим жестом я постоянно себя будто поддерживаю, кажется, мне и правда не хватает обычных человеческих объятий. – Если бы Юра был здесь, всё было бы иначе. А его нет, я всё время одна. Наверное, логично, что мне приглянулся другой мужчина. Боже, я ужасный человек!

– Это неправда. Ты очень хороший, чуткий и добрый человек. Мой родной человек. Как же я буду жить, когда ты уедешь! – у неё слезы наворачиваются на глаза, и у меня тоже.

С Надей мы дружим, можно сказать, всю жизнь. Наша дружба пережила многое, в том числе долгие ссоры. И стала крепче алмаза. Не представляю, как буду обходиться без

этой девушки в другой стране. Наверное, мы постоянно будем переписываться.

Погода чудесная. Восемь вечера, а до сих пор светло. Надя живёт от меня через дорогу, широкую и шестиполосную, до которой ещё нужно дойти. Такси брать глупо, поэтому мы решаем прогуляться. Обычно я её провожаю почти до дома, потом она меня до середины пути. Всё не можем расстаться.

В этот раз движемся тоже знакомым маршрутом, я не гляжу по сторонам, увлечённая собственными мыслями.

– Смотри, какой экземпляр сидит на капоте, – говорит мне подруга. Я машинально перевожу взгляд в ту сторону, куда она кивнула, и едва не спотыкаюсь. – И тачка огонь! Навскидку ляма два с половиной.

– Не улыбайся ему так широко, – шикаю на подругу.

– Почему это?

– Потому что это Ярослав. Тот самый спецназовец.

Часть его лица – рот и нос – скрыта под чёрным платком с белым рисунком. Открыты только глаза. Видимо, он думает, что спрятанное под банданой лицо привлекает меньше внимания, чем шины.

– Что? – она округляет глаза.

Возможно, стоит сделать вид, что я не узнаю его, и гордо пройти мимо, давая парню понять, что моё «нет» – категорично. Но вместо этого я улыбаюсь и смотрю на него. Пульс зашкаливает, аж перед глазами темнеет. Мне нельзя с ним

видеться: у меня от него тахикардия, колени мягкие и жар по всему телу.

Приехал... Нашёл меня и приехал!!

– «Не улыбайся так широко», – передразнивает меня Надя со смешком, – а сама-то! Посмотрите на неё! Краснеет! Краснеет наша красавица, – всё это тихо, чтобы он не услышал. Но я всё равно бросаю на девушку укоризненный взгляд.

Ярослав спрыгивает с капота своей трёхдверной, тёмно-синей, агрессивной на вид БМВ, подходит к нам. Одет в джинсы и полуспортивную толстовку, на ногах – кеды. Все вещи простые, но фирменные.

– Привет, – говорит он, глядя на меня в упор. Затем переводит взгляд на Надю, снова на меня и улыбается – определяю по глазам. Значит, шины ему всё ещё не сняли, так и ходит. Едва я об этом вспоминаю, оглядываю его внимательно. И мне кажется, он похудел. Джинсы подвисают, глаза немного впали. Конечно, такому парню нужно полноценное питание, на супчиках мышечную массу не удержать на месте.

– Привет! Надя, этот парень в маске – Ярослав, мой спаситель. Ярослав, это Надежда, моя лучшая подруга.

– Очень приятно, – говорят они почти хором.

– А что ты здесь делаешь? – приподнимаю я брови, ожидая услышать какую-нибудь байку о случайном совпадении. – У тебя здесь поблизости друг живет?

– Да нет, к тебе приехал, – отвечает Ярослав так, будто это

всё объясняет, стягивает платок на шею.

– А... зачем?

У него снова обветренные губы, он по-прежнему не может их облизать.

– Мне снимок сделали, через четыре дня снимают шины, – показывает пальцем на рот. – Мне нужен будет логопед.

Я показываю обеими руками на удивлённую Надю.

– Вот, Надя – отличный специалист. У неё заговорят все.

Ярослав переводит взгляд на мою подругу, она тут же парирует:

– Кать, ты же знаешь, что мой график расписан на месяц вперёд. Ярославу, как я поняла, помощь нужна будет уже на следующей неделе.

– Очень нужна, – соглашается он, хитро подмигивая моей подруге, и я понимаю, что у них вдруг случился заговор против меня! Я ошарашенно смотрю на Надю, которая пять минут назад доказывала, что мне нельзя делать глупости перед свадьбой. Смотрю взглядом «прибыю» – она невинно хлопает ресницами.

– А у Кати как раз новая работа на полдня, – дополняет она. – Ярослав, мне домой пора, не подбросишь?

– Конечно, – он кивает на машину и идёт открывать дверь. А предательница за его спиной показывает мне два больших пальца.

Я забираюсь на заднее сиденье его спортивной бэхи, усту-

пив Наде место рядом с бойцом. К ней же едем, пусть покажет дорогу.

Где-то на полпути понимаю, что мне ехать было необязательно. Я могла бы оставить их вдвоём и отправиться домой.

Но не оставила.

– Так а... какой у вас в полиции оклад? – спрашивает Надя делано нейтральным тоном, оглядывая кожаный салон и красную приборную панель. – С наших-то налогов.

Вообще, она робкая девушка ровно до тех пор, пока дело не касается меня и моей защиты. Ярослав усмехается:

– Это подарок отца, – потом, задумавшись, добавляет: – с ваших налогов.

– Ясно. Квартиру тоже папа купил?

Ярослав кивает.

– Двухкомнатную, – включается в игру.

– И на работу устроил?

Он нейтрально пожимает плечами.

– А сам ты чего в жизни добился, если всё папа? – провоцирует его на резкость подруга.

– Он спас мне жизнь, – подсказываю я с заднего сиденья.

– Сто очков в пользу Ярослава, – улыбается Надя. Ехать недолго, буквально минут десять. Пешком вышло бы ещё быстрее, не пришлось бы делать крюк до разворота.

– Да, вот здесь останови. Приятно было познакомиться, Яр, – протягивает ему руку Надя, тот её пожимает. – Твой номер машины я запомнила, Катю доставь домой в целости

и сохранности.

– Со мной не пропадёт, – отвечает он с улыбкой. Потом поворачивается ко мне: – Может, пересядешь вперёд?

Глава 9

Он нарочито медленно и аккуратно ведёт машину, ему даже сигналият в один момент, но Ярослав невозмутим. Я уже догадалась, что мнение других людей его не слишком волнует.

Мне немного смешно, но я так сильно нервничаю, что желание веселиться тонет в пучине более сильных потребностей. Мне хочется и обнять его, и провалиться сквозь землю, причём не знаю, чего сильнее.

Наверное, нет смысла спрашивать, как он узнал, где я прописана.

– Как близко вы живете с подружкой, – сетует он, паркуя машину на прежнее место. Смотрит на меня. – Как дела, Катя? Как ты поживаешь?

– Хорошо, спасибо. А ты?

Он ограничивается парой кивков, дескать, хорошо, спасибо за этот выплеск дурацкой неискренней вежливости.

– Зачем ты приехал? Только честно. Я считала, после твоей травмы логопед не нужен. Ты вполне можешь справиться сам, без меня.

– У меня к тебе предложение.

– Какое?

– Я так понял, что твоего парня сейчас нет в стране. И не будет ещё долго.

– Кажется, я в прошлый раз тебе всё объяснила, – ну вот опять! Смотрю на него умоляюще, ладони сажу вместе.

– Нет, погоди, ты послушай. Вполне может быть, что наша тяга друг к другу – это результат стресса. Не спорю. Но... Катя, вдруг нет? Всю жизнь потом будем жалеть, что не попробовали. У нас как раз есть пара месяцев, чтобы всё решить точно. Почему бы не рискнуть?

– Ты считаешь такое поведение нормальным для девушки? Встречаюсь с одним, пока его нет – сплю с другим. Потом вдруг передумываю и выхожу замуж за первого... Тебе самому-то я буду продолжать нравиться после таких переблужек?

– Будешь.

– Ярик! – всплёскиваю руками. – Вижу цель, не вижу препятствий?

– Да нет же, – качает головой. Давай, парень, ищи аргументы. Ты мне снишься, но я не из тех, для кого этого достаточно, чтобы броситься в омут с головой. Даже если каждую ночь снишься! – Ты неправильно поняла. Не обязательно прыгать в койку на первом свидании. Хотя лично я не вижу в этом ничего плохого... Мы могли бы просто начать общаться, узнать друг друга получше. А вдруг это судьба, Катя? Вдруг мы подходим друг другу?

– А вдруг нет?

– Тогда спокойно разойдёмся. Я вернусь к своей жизни. Ты – выйдешь замуж и отчалишь в загнивающую. Если же

мы поймём, что хотим быть вместе, ты позвонишь своему парню...

– Его зовут Юрий, – подсказываю я. – Юрий Фишер.

Ярик морщится.

– Да пофигу, как его там зовут, главное, что он далеко, – усмехается. – Ладно, позвонишь Юрию Фишеру и сообщишь, что предоплату за мероприятие под названием «свадьба» вернут вряд ли, но в качестве моральной компенсации твой новый парень готов восполнить затраты. Он почувствует себя оскорблённым и, вероятно, откажется. На этом и разойдёмся.

– Ярик, я в шоке от тебя, – качаю головой, не в силах сдерживать улыбки.

– Мы ж ничего не теряем, – невозмутимо. Этого человека вообще хоть что-то в мире может остановить? Он продолжает:

– Это хорошее решение. Сейчас я буду говорить искренне, Катенька. Не так давно к нам в отдел кадров пришла новенькая девочка по имени Аня Киселёва. Скромная и симпатичная. Разумеется, все кинулись её очаровывать.

– Полагаю, ты тоже принял участие в соревнованиях, – посмеиваюсь над его интонациями.

– А как же! – даже не пытаюсь спорить. – И когда она ответила мне взаимностью... через три дня, я вдруг перегорел.

– Ты с ней переспал и бросил? И все об этом знают? Как же ей теперь продолжать работать, бедная девочка! – не могу

скрыть разочарования.

– Нет, ты что. Мне бы за такое Годоров уши оторвал. Так далеко не зашло, разумеется. В общем, я тоже быстро вспыхиваю и гасну. Но с тобой, чувствую, всё иначе.

– Это очень честно и откровенно, Ярослав.

– Да. Если бы я хотел просто затащить тебя в постель, этой историей не стал бы хвастаться. Сдавайся, ну же. Простой русский спецназ против неясного иностранца, – и улыбается своей жуткой железной улыбкой. Щёки впали, но глаза по-прежнему наполнены теплом. И сам он, наверное, горячий, как и обычно. Горячий и уютный, только безбашенный.

– Не дави на меня, пожалуйста. Я не хочу показаться последней дрянью, но... я бы... – закрываю глаза и выкидываю белый флаг: – и правда хотела узнать тебя чуть лучше. Я запуталась.

– Конечно. Я всё понимаю. Случившееся нас обоих выбило из колеи. Но будет глупо проигнорировать то, что происходит.

В этом как раз уверенности у меня нет.

– Яр, сразу предупреждаю, что не стану чувствовать себя обязанной. Скорее всего, ты потратишь на меня время и ничего не выйдет. Да и другие девушки...

– Других не будет. Только ты, – он смотрит в глаза, и я понимаю, что пошла первая атака. Стрела прямо в моё колотящееся сердечко.

– Ты обещаешь верность чужой невесте? Серьёзно? Вы-

терпишь так долго без всяких гарантий?

– Твой же-них, – произносит по слогам, – как-то же терпит месяцами. Или... не терпит? – отрезает он, и я быстро отворачиваюсь.

Некоторое время мы молчим, потом я собираю свою смелость по крупицам и поворачиваюсь к нему. Ярослав откинулся в кресле, скрестил на груди руки, машинально следит взглядом за проходящими мимо людьми.

Я смотрю на его губы.

– Почему ты их ничем не мажешь? – спрашиваю. Он переключает внимание на меня, смотрит вопросительно. – У тебя губы воспалены, надо мазать кремом или гигиенической помадой.

Он натягивает на лицо свой платок, вызывая у меня улыбку. Решил проблему, молодец. Достаяю из сумочки специальный крем, которым сама часто пользуюсь. На работе приходится много разговаривать, иногда часами без передышки, удерживая внимание детей. Он смотрит с подозрением. Платок всё ещё закрывает половину лица.

Что ж, ладно.

Щедро лью на ладони антисептик, следом протираю руки влажными салфетками. Выдавливаю на палец немного крема и смотрю на Ярослава.

Тот вздыхает, но покоряется. Сдёргивает платок на шею, тянется ко мне и даже зажмуривается.

Он даёт мне ровно три секунды, а потом распахивает гла-

за. Смотрит в упор, пока я аккуратно вожу пальцем по его губам. Они у него тонкие, такие мужские, чётко очерченные.

– Так будет лучше, – говорю я. – А то больно смотреть.

– Спасибо, – отвечает он, бросая беглый взгляд в зеркало. – Я бы не отказался от чашки чая, – лёгкий кивок в сторону моего дома.

– У меня нет соломинок.

– Справлюсь как-нибудь.

– Давай завтра. У меня бардак.

– Да пофигу.

– Я работаю во вторую смену, если хочешь, приезжай утром, позавтракаем вместе. По традиции. Я приготовлю что-нибудь и для тебя тоже.

– Хорошо, я приеду.

Я открываю дверь и прежде, чем успеваю поставить ногу на землю, Ярослав тянется ко мне, и я целую его в щёку. Просто так, невинный поцелуй. В щёку. Делаю это намного раньше, чем успеваю осознать последствия. Вспыхиваю, он хитро улыбается, но никак не комментирует.

Сильное искушение – думать, что этот мужчина, соперник по своей сути, по-настоящему в меня влюбится. Что он не переключится на другую «Катю», «Аню Киселёву» или какую-нибудь ещё недоступную девицу, как только утратит ко мне интерес.

Пока иду в подъезд, чувствую на себе внимательный взгляд.

А когда поднимаюсь в лифте, погружаюсь в размышления.

Нет, я вовсе не строгих моральных принципов. Дитя двадцать первого века. Да и у меня есть родители, которые всегда поддержат и примут домой, если с женщиной не сложится. Я совершенно ничего не имею против непродолжительного романа с классным парнем. Наверное, он бы ярко и неумолимо ухаживал. О том, чтобы оказаться с ним в одной постели, и вовсе думать страшно! Страшно, потому что от одной только перспективы кружится голова – так сильно хочется. Узнать бы... готов ли он быть нежным? Думает ли о партнёрше? Как дышит или стонет, как двигается, как целует!

Это бесячье обаяние... Эта лучистая харизма!

И я бы согласилась, получила удовольствие от процесса, не осталась бы в обиде после разрыва. Если бы не грядущая свадьба. Клянусь, до ограбления ювелирки я даже мысли не допускала, что буду сомневаться в своих чувствах к Юре.

Мы с ним не виделись три месяца. Пройдёт примерно столько же, учитывая оформление документов после регистрации брака, и мы никогда не расстанемся. Имею ли я право на сомнения?

Я обещаю себе, что, если допущу лишнее, во всём честно признаюсь. Чуть позже, после легкого ужина и контрастного душа, я крепко-крепко обнимаю подушку и улыбаюсь. Пальцы покалывает – такой бешеный восторг внутри!

Что бы *ему* такого особенного приготовить? Кажется, я ни

разу в жизни не ощущала ничего подобного даже близко.

Вероятно, я ужасный человек, но у меня только одна жизнь. И я не могу не дать шанс нам с Ярославом.

Глава 10

Ярослав

Подъём, зарядка, душ. Есть такая штука, называется ирригатор, у меня их целых два. Один – стационарный, пользуюсь дома. Второй – портативный, таскаю с собой, если предстоит приём пищи за пределами квартиры. Держу зубы в чистоте, они мне ещё пригодятся. Зачёркиваю мысленно очередную дату: три дня – и снимут шину.

Обещал Катюше позавтракать с ней, но после того, как выхожу из ванной, первым делом взбиваю себе густой протеиновый коктейль, иначе просто не доползу до машины. Из-за работы блендера не слышу, как на кухню заплывает Ульяна. Бросаю на неё беглый взгляд и сразу же отворачиваюсь – бесстыжая девица у моего брата. Вполне может позволить себе пробежать до ванной в одном белье или вовсе в трусах, закрывая грудь руками. Сейчас в футболке, которая едва прикрывает задницу.

Достаёт яблоко из холодильника, падает на диванчик так, что мелькают розовые стринги. Меня тоже понять можно – хрен пойми сколько в завязке. Командировка, разрыв с Мариной. Девушки после неё, разумеется, были, но так, разово.

Мало.

Уля откусывает кусочек побольше. Смачно жуёт. Как по команде рот наполняется слюной, она словно впрыскивается через какие-то насосы. Организм не отчаивается, день за днём напоминает, что он бы тоже не отказался, например, яблочко погрызть.

Вновь врубаю блендер.

Служба и окружение определённо меняют меня: раньше я бы присвистнул девушке, сейчас молчу. Не знаю, в кого я превращаюсь. Точно не в своего отца – мы с ним совершенно разные, не считая упрямства на грани идиотизма, которым периодически страдаем оба.

С Русом мы погодки, но те, кто нас плохо знает, могут предположить, что близнецы. Похожи внешне, раньше были не разлей вода, вели себя одинаково. Учились в одном классе, вместе поступили на факультет психологии. Братья *Богомолы* годами ни в чём себе не отказывали, жили яркой насыщенной жизнью. Разумеется, ничего такого, что могло бы опозорить отца, но будет что вспомнить в старости.

Потом случилось так, что вопрос встал ребром: я успешно закрыл сессию на втором курсе, забрал документы и отправился в армию. Руслан же остался на гражданке. С тех пор наши взгляды на жизнь начали расходиться.

– Ярослав, ты же придёшь сегодня в бар? На мой день рождения, – говорит Ульяна, наблюдая, как я переливаю коктейль в стакан, втыкаю соломинку.

Я допустил ошибку, когда позволил Марине познакомить Руса с её подругой. Мы расстались, а они замутили серьёзно. И учитывая, что мы с братом пока живём вместе, передо мной вечное напоминание о бывшей. Да ещё и её глаза с ушами.

– Зачем это? – спрашиваю, глядя на неё.

Она беспечно пожимает плечами:

– Весело будет! Хотя бы ненадолго заглянешь? И Русик обрадуется! Все по тебе скучают, Яр.

Все – это, видимо, Марина. Помню, ага, её тоску в глазах.

– У меня другие планы. С днём рождения.

Я действительно не думаю, что Марина позволила себе измену, но я никогда не потерплю даже намёка на нечто подобное. Закрывать глаза на то, что моя женщина трётся об кого-то в моё отсутствие? Увольте.

И всё же признаюсь себе, что пользуюсь двойными стандартами.

Катя ведь тоже несвободна, но меня вообще ничего не смущает. И если бы она вдруг потёрлась об меня, я бы не подумал о ней плохо.

Сидит напротив за столом, тянет свой коктейль. Сегодня у нас обоих жидкие завтраки, она там что-то колдовала с утра, блендерила. Кстати, очень вкусно и довольно сытно, с фруктами и кислинкой.

Её губы надо видеть. Нежные такие, мягкие. Как она об-

хватывает ими трубочку, как пританцовывает на стуле от удовольствия, втягивая в себя лакомство. У меня аж дыхание перехватывает от голода иного плана.

Глаза выразительные, бархатистая светлая кожа. Аккуратная, но вполне приличная грудь. В ней всё без излишеств, но при этом – как надо. Я плохо помню, как обнимал её, придавливая своим телом к холодному полу ювелирки. Не думал тогда о том, как это – лежать на ней. Тогда пульсировала другая мысль: только бы сберечь. Спасти маленькую. А сейчас роюсь в памяти и хочу, чтобы так же за меня цеплялась, но уже по своей воле. Героем снова назвала.

Катя улыбается, слегка смущаясь под моим пристальным взглядом.

А я всё смотрю и не могу насмотреться. Ищу, за что бы зацепиться, чтобы отвернуло от неё. Что-то же в ней должно мне не понравиться. Ну хотя бы какая-нибудь мелочь!

Она в тёмно-синем комбинезоне шортиками. Ткань такая... как её? Которая легко мнётся, но приятная к телу в жару.

Её сотовый вибрирует. Я не вижу экран, но по реакции девушки понимаю, что это конкурент. Почувствовал, гад, неладное.

– Я сейчас, это по работе. Минуту, – оправдывается она, разнервничавшись. Спешно убегает в комнату, закрывает дверь, чтобы я не слышал, о чём они беседуют. Я же, как последний олень, сижу и жду. И ничего ровным счётом мне

не мешает встать из-за стола и выйти из этой квартиры, принадлежащей по документам некоему Юрию Фишеру, сесть в машину и уехать куда глаза глядят. Никогда больше не видеть эту девушку. Найти себе десять ещё краше этим же вечером в баре.

Но я сижу на месте и думаю о том, что через неделю, две – максимум, она начнёт сбрасывать его звонки. Ни разу не видел этого чёрта, но морду бы набил не раздумывая.

Они долго разговаривают, минут семь точно. Мой пульс уже начинает зашкаливать, когда Катерина появляется на пороге кухни. Старается вести себя как ни в чём не бывало, но она совсем не умеет лгать.

И эта черта мне тоже в ней нравится.

Катя начинает мыть посуду, что-то спрашивает, машинально отвечаю. А у самого фантазия летит вперёд: что, если они занимаются виртуальным сексом? Вчера я думал, что раз гада нет на расстоянии нескольких тысяч километров, то и париться нечего.

На деле же меня аж выворачивает от мысли, что она может писать ему интимные вещи или слать фотографии. Что может ласкать себя и кончать, разговаривая с ним по телефону или скайпу. А не переоценил ли я свои силы?

– Ярик, всё нормально? – спрашивает она.

Нормально, блть. Хочу тебя, аж больно.

– Да, задумался. Красивая ты, Катя.

– Отец так же говорит, а мама считает, что надо больше

вкладывать в свою внешность. Слушай, раз уж ты здесь, можно попросить тебя об услуге?

– Конечно.

– Только, пожалуйста, без фанатизма.

– Слушаю внимательно.

– Ты ведь в курсе, что недавно я поменяла работу. Пришлось уйти из детского центра из-за одного родителя. Сын у него чудесный! Мне очень нравится с ним заниматься, да и мальчик тянется, это заметно. Уже на третье занятие согласился остаться со мной в кабинете без родителей, а это показатель.

Мальчика легко понять – я бы тоже с ней остался наедине в кабинете.

– И что? – спрашиваю, немного напрягаясь.

– А папаша у него какой-то неадекватный! Всё время недоволен, несколько раз на меня жаловался. Разговаривает грубо. Просто непозволительно резко, – она моргает несколько раз. – Причём другого логопеда он не хочет, только меня. Они вынудили меня уволиться. И вот я только-только устроилась на новом месте – рабочий день в два раза короче, а зарплата почти та же. Так они сюда же перешли! И снова ко мне.

– Поговорить с ним? Без проблем.

– Нет, ни в коем случае. Говорить не стоит. Ты бы не мог подвезти меня на работу и постоять рядом на улице, чтобы он тебя увидел. Полагаю, этого хватит, – она окидывает меня

задумчивым взглядом. – Не могу же я по всему городу от него бегать! А работа мне пока нужна.

– Понял. Поехали?

– Да, только сначала займусь твоими губами.

Глава 11

Катерина

Мне бы не хотелось создавать впечатление вечно попадающей в беду девицы. Да и не беда это никакая, просто бывает, что жизнь сталкивает с несдержанными людьми, с ними тоже нужно уметь ладить. Папе с мамой жаловаться не хочу, они снова начнут причитать: как же я буду в другой стране одна справляться, сколько мне ещё сложностей предстоит, и всё такое.

Когда мажу Ярославу губы кремом, стою между его ног. Боец удобно устроился на стуле с высокой мягкой спинкой, его руки покоятся на коленях, напряжены, но неподвижны, будто привязаны. Подбородок задран вверх. Яр одет в белую фирменную майку и джинсы.

– Сегодня уже намного лучше, – говорю я ему, придирчиво рассматривая результат своей работы, – но хорошо бы мазать два-три раза в день.

Обхватить его лицо ладонями, наклониться и прижаться к его губам своими. Уверена, в следующую секунду его руки окажутся на моих бёдрах, рывок, буквально одно движение на себя – и я на нём верхом. Можно ли заниматься любовью

без поцелуев?

С ним так легко представить безумие!

Даже в квартире моего жениха. Господи...

Смотрю на Ярослава. Крылья его носа раздуваются, когда он делает глубокий вздох. Кажется, будто он читает мои мысли или ощущает запах моего возбуждения, хотя это и невозможно. Невозможно же? Когда находишься рядом с ним, вот под этими прицельными взглядами, пожар внизу живота не стихает. Каждая моя клеточка на него реагирует, сердце и вовсе бьёт рекорды, словно пытаюсь выпрыгнуть наружу, ему прямо в руки. Крепкие, загорелые руки, с выступающими синими венами на тыльной стороне ладоней. Интересно, если мы поженимся и будем жить долго и счастливо, это прекратится? Хотя бы лет через пятнадцать?!

Мне нужно как можно скорее узнать получше этого человека, чтобы столкнуть с дурацкого пьедестала!

– Теперь идём? – спрашиваю, облизав пересохшие губы.

– Идём, – соглашается он, напрягая желваки. Поднимается на ноги, слегка приобнимает за плечи, как бы направляя к выходу.

Ярослав делает пару дежурных комплиментов обстановке в квартире, на этом завтрак заканчивается. В лифте едем молча вместе с соседкой. Запоздало думаю о том, что было бы правильным не показываться на людях в компании бойца, но мы ведь не делаем ничего плохого. Я совершенно не умею лгать и изворачиваться, поэтому будь что будет.

В машине болтаем обо всём на свете. Я рассказываю о Наде, он бросает несколько слов о Романе и Алексее – на данный момент это все наши общие знакомые. Обсуждаем погоду, пробки. Я спрашиваю о его матери, он заверяет, что всё в порядке, она просто впечатлительная:

– Предполагаю, Катюш, она злилась на отца в тот момент. Косвенно винила в том, что со мной случилось, хотя и знала, что я вызвался сам. Вот и сорвалась на тебе, потому что отцу она не перечит. Она думала, что видит тебя в первый и последний раз в жизни.

– Совсем не перечит?

– Практически. Не помню, чтобы они когда-то ссорились, не считая того лета, когда мы с братом закончили школу. Отец был в долгой командировке на Дальнем Востоке. Мы получили аттестаты и поступили на факультет психологии, – усмехается. – Чёртовы самоубийцы! До сих пор не могу поверить, что у нас троих хватило смелости и отчаяния. Он вернулся, а было уже поздно.

– Ого, вот вы даёте! Это же заговор!

– Да, мама всегда старалась нас удержать на гражданке. Мой отец... он не злой, но служба наложила отпечаток. Его можно охарактеризовать как чёрствого человека. Иногда он совершенно глух к чувствам и потребностям других. Как бы объяснить... например, ему не доставляет удовольствие топить котят, но, если поступит приказ, он сделает это, не моргнув глазом. Сколько угодно в любое время дня и ночи.

А потом спокойно ляжет спать.

– Ясно, – его откровенность подкупает. – Что произошло потом? Как ты попал в армию?

– Расскажу как-нибудь в августе, – подмигивает мне. – Подробности только для самых близких. Сюда, правильно? – кивает на поворот.

– Да, теперь метров сто и налево. Паркуйся на свободное место. У тебя классные родители. И брат.

– Это правда. С причудами, разумеется, но как и у всех. Они хорошие люди. А у тебя? Где живут, кем работают?

– Тоже хорошие. Я единственный ребенок в семье, на второго родители так и не решились. Сначала мы жили богато, просто очень. Папа занимал высокую должность в команде губернатора. Он очень умный и талантливый управленец. Но лет десять назад его друг впал в немилость, его громко уволили, а следом и папу. С тех пор отец так и не смог никуда устроиться.

– Он десять лет не работает?

– Да, немного затянулось, хах. Первые лет пять мы ждали, что вот-вот. Его должны были взять на новое место то в конце месяца, то в конце старого года, то в начале нового, то ближе к весне... бла-бла-бла, ну ты понял. Кто-то что-то обещал, потом срывалось. Куда попало папа не хотел идти, чтобы не портить трудовую. Денег не хватало, так как привыкли к вкусной еде. Пришлось продать квартиру из-за высокой коммуналки. Там консьержка сидела, охрана со шлаг-

баумом и прочие ништяки. Купили жильё попроще, оставшиеся деньги родители собирались вложить в однушку, чтобы потом её сдавать, да и мне приданое, но случайно проели.

– Постой. Ещё раз. Твой отец десять лет не работает? Вас обеспечивает мама?

– Да, а что такого?

– Что такого?? – переспрашивает. – У меня как бы... шаблон разорвался в клочья, – он вдруг начинает смеяться вслух. Сквозь зубы выходит потешно, но я не подаю вида. – А что, так можно?! Я и не знал!

– Он не по своей воле, – я слегка надуваю губы.

– Враньё.

– Да знаю, – вздыхаю. – Ярик, что ты думаешь, я дуручка? Но мы об этом не говорим. Родителей всё устраивает. Кто я такая, чтобы учить их жизни? О, смотри, вот они! Серый «Крузак».

– Какое старьё, – закатывает глаза Ярослав и, бросив мне строго: «Сиди», выходит из машины.

Честно, я немного напрягаюсь, ожидая, что он выкинет что-нибудь в том же духе, как провоцировал грабителей перед ювелиркой, но нет, стриптиза не следует. Более того, Ярослав даже не смотрит в сторону проблемных клиентов. Открывает мою дверь, протягивает руку. В общем, делает всё, чтобы нас заметили. И это работает, не может не работать.

– Улыбнись мне нежно, – цедит боец сквозь зубы, и я слу-

шаюсь.

– Екатерина Владимировна, здравствуйте! – нас замечает маленький Арсений. Говорит малыш, конечно, ещё плоховато, но, уверена, даже Ярослав, который видит ребёнка впервые, улавливает смысл сказанного. Арсений бежит, добродушно распахнув объятия, я подхватываю его и тепло обнимаю, прижимая к себе. Улыбка до ушей!

– Арсений, сын, не урони учительницу! – делает сдержанное замечание Огурцов. – Добрый день, Екатерина Владимировна.

– Добрый, – отвечаю я.

– Вы, наверное, Артём Леонидович? – включается Ярослав, протягивая руку.

Артём отвечает на рукопожатие, но выглядит слегка растерянным:

– А мы знакомы?

– Пока нет, но я наслышан, – говорит Ярослав спокойно, смотрит в упор. От былой теплоты в его глазах не остаётся и следа, там ледяная сталь. Я представляю, как он выглядит во время работы: лицо скрывает чёрная маска, видны лишь эти хищные глаза в вырезе. Машина для убийства. – Меня зовут Ярослав Богомоллов, рад, что наше знакомство, наконец, состоялось, – повисает небольшая пауза, после чего Ярослав отпускает руку оппонента, наклоняется к мальчугану и пожимает ему ладонь, добродушно подмигивая. Говорит мне: – Хорошего дня, Катюш, – улыбается так, словно я единствен-

ная звезда на его небе. – Я тебя заберу после работы, сохрани для меня хорошее настроение. – Переводит взгляд на Артёма и серьёзнееет.

Его игра вызывает улыбку, да и что тут скрывать – ко-жу покалывает от волнения. Думаю, представления окажется достаточно, потому что претензии действительно необоснованные, а придирки Огурцова и вовсе обидны. На всякий случай Ярослав провожает нашу троицу взглядом, и следующие сорок минут мы работаем с Арсением совершенно спокойно. Прощаясь, папа мальчика ограничивается коротким, будто обиженным кивком и молча покидает детский логопедический центр.

Такие отношения меня более чем устраивают. Официальные, холодно-вежливые. Арсений весело машет на прощание – чудесный ребенок! Я рада, что мы продолжаем с ним заниматься, если так и дальше пойдёт, к школе у него не останется проблем.

«Если и дальше пойдёт...» Мне вновь отчаянно не хочется уезжать из России.

Глава 12

Катерина

Между Мюнхеном и Красноярском шесть часов разницы, и когда Юра освобождается с работы в семь вечера, у меня уже хорошо за полночь. Мы пробовали общаться по-разному: я заводила будильник на раннее утро, он старался набрать мне во время обеденного перерыва. Опять же, эти сообщения в ватсап, которые поначалу сыпались дождём по поводу и без, но постепенно стали будто не такими важными.

Говорят, единственный шанс сохранить отношения на расстоянии – это иметь чёткий план действий. Он у нас есть: каждые три месяца мы встречаемся, дважды я летала к нему, один раз он навещал меня, как раз в начале весны, когда мы и купили кольца. Документы в ЗАГС поданы, ресторан забронирован.

Я уже сдала экзамен по немецкому и продолжаю совершенствовать язык. Специально искала работу на полдня, чтобы посвятить учёбе как можно больше времени.

Родители Юры меня обожают и ждут с нетерпением, сам Юра... тоже.

Всё шло своим чередом, пока события в ювелирке не раз-

делили мою жизнь на до и после.

Мама немного опасается, что я дам заднюю. В последние пару недель я совсем мало говорю о женихе и предстоящей свадьбе. Старательно избегаю этой темы, дважды откладывала последнюю примерку платья.

– Котёнок, витаешь в облаках? – спрашивает она, и я вздрагиваю. Перевожу глаза на маму, потом на папу – мы ужинаем за столом у них дома. Папа готовит редко, но всегда потрясающе. Сегодня на ужин курица, запечённая целиком в духовке. Папа делает её как-то по-особенному – вроде бы всё просто, но вкус и запах невероятные! Да ещё его фирменный соус с чесноком. Я жую мясо и думаю о Ярославе: ему бы, наверное, тоже захотелось. Он любит птицу.

Потом я представляю его здесь, за этим столом. Презрительный взгляд тёмных глаз на отца, потому что тот много лет не работает. Вдруг Яр не удержится от колкого комментария? Его и так вряд ли примут с распростёртыми объятиями, учитывая, из-за кого сорвётся свадьба и мой переезд в Европу.

– Да, мам, прости, отвлеклась. Ты что-то спрашивала? – улыбаюсь ей. Мама подмигивает и кивает на отца.

– Мы уже целую минуту обсуждаем, дочка, как хорошо, что уже этой осенью ты уедешь подальше от этого города. Чувствую, кошмары про бандитов прекратят мне сниться только после того, как я посажу тебя в самолёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.